

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

**ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Кафедра международных отношений и зарубежного регионоведения

**ЯПОНСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ СССР ЗА СОЗДАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Выпускная квалификационная работа

обучающейся по направлению подготовки
41.03.05 Международные отношения
очной формы обучения,
группы 04001432
Терновской Анны Григорьевны

Научный руководитель
проф,
Морозов С.В.

БЕЛГОРОД 2018

Содержание

Введение

Глава 1. Настроения, царившие на международной арене в межвоенный период

1.1 Ключевые события на международной арене в 20-30-е гг.,
положившие начало борьбы СССР за создание коллективной
безопасности.....11

1.2 Пакт четырех. Выход Германии из Лиги Наций.....33

Глава 2. Действия Японии, послужившие толчком для создания
Советским Союзом коллективной безопасности

2.1 Проекты СССР и Франции по созданию системы коллективной
безопасности..... 43

2.2. Японский фактор в международных отношениях 1931-1935гг.....62

Заключение

Список использованных источников и литературы

Введение

Коммунистическая партия и Советское правительство смогли предвидеть вероятность прихода к власти фашистов в Германии и, чем это могло грозить всеобщему миру и безопасности. Об этом говорилось летом 1930 г. на XVI съезде ВКП(б). Несмотря на все факты, западная пресса убеждала в необоснованности подобных опасений, так как «демократический строй» Германии якобы исключал фашистскую угрозу. Тем не менее, не более чем через три года выяснилось, что буржуазная демократия в Германии играла роль ширмы.¹

Не только приход к власти гитлеровцев в 1933 году обострили международную обстановку, но и нападение Японии на Маньчжурию в 1931 году. Вследствие чего, можно определить международную обстановку, изучаемого нами периода как напряженную, характеризовавшуюся быстрым развитием событий и разжигания новых очагов войны. В такой обстановке внешняя политика страны Советов дала совершенно точную оценку военной угрозы и призывала к расширению масштабов борьбы за поддержание мира, несмотря на успокоительные речи деятелей капиталистических государств.²

Коммунистическая партия и Советское правительство внимательно следили за опасным ходом событий на Дальнем Востоке. Вопреки Лиге наций, которая рассматривала японскую агрессию как частный эпизод, не создающий угрозу миру, советская внешняя политика оценила нападение Японии на Маньчжурию как начало большой войны, и не только против Китая. 11 февраля 1932 г. глава советской делегации М. М. Литвинов на пленарном заседании конференции по сокращению и ограничению вооружений говорил об этом следующее: «Где тот оптимист, который может добросовестно утверждать, что начатые военные действия ограничатся только двумя странами или одним только материком?»³

¹ Документы внешней политики СССР. Т. XVII. – М.: Госполитиздат, С. 1971. 5

² Там же

³ Документы внешней политики СССР. Т. XV. – М.: Госполитиздат, 1969. С. 108

На сегодняшний день историки многих стран обращаются к событиям тех годов, с целью вновь переосмыслить обнаружение в марте 1933 г. политического проекта, возникшего во влиятельных западноевропейских аристократических и дипломатических кругах — «пакта четырех». в него должны были войти Италия, Германия, Великобритания и Франция. Эта идея была прочно связана с возможностью изменения границ, о чем публично объявил один из её соавторов премьер Д. Макдональд в Лондоне 23 марта. Эта задумка стала значимым шагом на пути претворения в жизнь перспектив, которые были заложенных в итоговых документах Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., и правового механизма, сформулированного в итоговых решениях Локарнских соглашений в октябре 1925 г. В совокупности эти документы являли собой инструмент дававший возможность, помимо остального, корректировать внешнюю активность Германии и способствовать её продвижению в восточном направлении.

Об опасности расширения масштабов войны свидетельствовали и непрерывные провокации японской военщины на советских дальневосточных границах. Пресекая их, правительство СССР продолжало укреплять оборону Дальнего Востока и, используя средства дипломатии, стремилось улучшить отношения с Японией.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью рассмотрения ключевых факторов советско-японских взаимоотношений в период с 1933-1935 гг. Проблема японо-советских конфликтов в этот период является одной из наименее исследованных в исторической науке. Данный факт нельзя объяснить отсутствием интереса со стороны отечественных и зарубежных исследователей к самим японо-советским отношениям данного периода. В эти годы закладывались основы взаимоотношений Японии и Советского Союза, обострялись взаимные противоречия. Внешняя политика Японии выражалась в неоднократных провокациях, заброске на советскую территорию диверсантов и шпионов. При анализе такого развития событий на

границе, дальневосточное военно-политическое руководство было вынуждено готовиться с определенной стороны к военным действиям.

Ставшие доступными в последнее время документы и иные источники дают возможность поставить вопрос о наличии напряженных отношений между Японией и Советским Союзом на Дальнем Востоке, в особенности, на территории Китая. Необходимо более углубленное исследование не только конфронтационной составляющей японо-советских отношений, как это было принято ранее, но и изучение многочисленных фактов и свидетельств компромиссной, даже с элементами партнерства политики двух держав в отношении друг к другу, без чего подобного рода соперничество просто немыслимо.

Актуальность нашей работы также вызвана необходимостью изучить сущность внешней политики советского государства. К сожалению, особенно «популярен» выдвинутый на Западе тезис «О советской военной угрозе». Между тем, важнейшим фактором, оказывающим влияние на развитие международных отношений этого периода, была миролюбивая внешняя политика Советской России. Она принципиально отличалась от политики империалистических государств, проявившейся и в создании Версальской системы. Борьба за создание коллективной безопасности всегда считалась несостоявшейся, поскольку обострения на международной арене привели ко Второй мировой войне. Однако актуальность самой концепции коллективной безопасности была обусловлена антисоветскими настроениями, царившими в 20-х – 30-х гг. Принимая во внимание старания Советской дипломатии, плодами которых стали подписание 2 мая 1935 г. советско-французского и 16 мая 1935 г. советско-чехословацкого договоров, можно с уверенностью сказать, что борьба за создание коллективной безопасности увенчалась успехом, так как её образование предотвратило угрозу нападения со стороны Японии, Германии, Польши ещё в 1935 г.

В японо-советском соперничестве, как и во всяком соперничестве подобного рода, наряду с противостоянием, конфронтацией и враждебностью

проявлялись элементы обоюдного прагматизма, сотрудничества и даже партнерства. В условиях стремительно изменяющегося мира, отсутствия сколько-нибудь внятной стабильности во внешнем окружении, падения престижа и ослабления военно-политического могущества и социально-экономического потенциала демократической России будет не лишним вспомнить о совместных интересах, когда-то не только разделявших, но и соединявших эти страны, об опыте, пусть кратковременного, но столь плодотворного и судьбоносного для обеих стран партнерства рубежа 30-х гг.

Объектом исследования является борьба СССР за создание коллективной безопасности.

Предметом исследования являются отношения Советского Союза и Японии, внешняя политика последней, препятствующая созданию коллективной безопасности.

Хронологические рамки работы определяются задачами данного исследования: 1933 – 1935 гг.

Целью исследования является изучение международной обстановки, царившей в исследуемый нами период и всестороннее исследование отношений Японии и Советского союза в данный период.

Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи:

1. кратко охарактеризовать ключевые теоретические рамки исследования;
2. разоблачить грабительскую, империалистическую внешнюю политику стран-победительниц, как существенный фактор, влияющий на взаимоотношения Германии и Лиги наций;
3. определить основные точки зрения в научно-исследовательской литературе по выбранной теме посредством обзора материалов;
4. провести комплексное исследование исторических предпосылок к разгоранию очагов войны;
5. проанализировать вклад Советского Союза в дело обеспечения мира и безопасности;

- б. подчеркнуть значение тех договоров и соглашений, которые заключил СССР с другими странами, и которые являются примером для налаживания дружественных межгосударственных отношений в деле создания системы коллективной безопасности в мире;
7. разоблачить японское вмешательство, какими методами и формами она осуществлялась и проводится ныне.

Методологическую основу нашего исследования составил системный подход, предоставляющий возможность целостного рассмотрения природы внешнеполитической стратегии в системе международных отношений и прогнозирования ее будущей направленности. Применяемый диалектический метод заключается в исследовании двойственности событий, а также их противоречий и взаимосвязи. Исторический метод также задействован в ходе работы, что подразумевает анализ события в его развитии. Исследование подготовлено на принципах историзма, научной объективности и комплексного подхода к изучению исторической действительности. В этой связи используемые методы позволяют реконструировать внешне процессы, происходящие на международной арене в изучаемый нами период, учитывая их развитие и изменения под воздействием различных факторов.

Источниковой базой исследования послужили сборники документов и материалов по международным отношениям рассматриваемого периода, изданные в СССР.

Денные материалы, отображающие всю сложность и противоречивость международных отношений послеверсальского периода, последовательную борьбу Советского Союза за мир, содержатся в Документах внешней политики СССР. Здесь же в значительной мере освещается позиция СССР по отношению к международной обстановке.⁴

Более полный фактический материал по советско-японским отношениям начала 20-х годов, середины 30-х годов содержится в совместно

⁴ Документы внешней политики СССР

подготовленном Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ) и Фондом японских историков сборнике документов «ВКП(б), Коминтерн и Япония 1917-1941 гг.». ⁵

Важным источником для изучения избранной проблемы являются и документы Локарнской конференции, охватывающие по существу весь комплекс европейских внешнеполитических проблем 1925 года. ⁶

Большое значение для правильной оценки данной проблемы имеют произведения советских государственных деятелей: историка, дипломата, члена АН СССР Потемкина В. П. ⁷ и Чичерина Г.В., ⁸ которые посвящены вопросам внешней с политики. А также третий том «Истории дипломатии: дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы» под редакцией Громыко А.А. и Земскова И.Н. ⁹

Избранная тема является первой в советской историографии попыткой комплексно исследовать взаимоотношения СССР и Японии в период с 1933 по 1935 гг., а также роль Советского Союза на международной арене, а именно в борьбе за создание коллективной безопасности.

Анализ и оценка международной обстановки, которая сложилась после первой мировой войны; разоблачение сущности и целей империалистической внешней политики Германии; бездеятельность и неспособность Лиги наций справедливо разрешать спорные вопросы между государствами, а также борьба СССР за создание коллективной безопасности ярко отражены в монографии Морозова С.В. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги». ¹⁰ Благодаря этой монографии стало возможным наше исследование, так как работа Морозова С.В. опирается на раннее не изученные материалы и наряду

⁵ ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917-1941. – М.: РОССПЕН, 2001. С. 791

⁶ Локарнская конференция 1925 г. Документы. – М.: Госполитиздат, С. 1959. 511

⁷ История дипломатии. Т. III. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны 1919-1939 / Под ред. Потемкин В.П. – М.: Гослитиздат, 1945. С. 884

⁸ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. - М.: Соцэкгиз, 1961. С. 516

⁹ История дипломатии. Т. III. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы / Под ред. Громыко А.А., Земсков И.Н. – М.: Госполитиздат, 1965. С. 834

¹⁰ Морозов С.В. Варшавская мелодия для Москвы и Праги: документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска польского и др. 1933-1939. – М.: Международные отношения, 2017. С. 592

с уже известными, публикуются и новые архивные материалы, имеющие важное значение для данного исследования.

Важно отметить, что ценный фактический материал о внутривосточной борьбе в Германии, ее влияние на внешнеполитическую ориентацию страны, и на взаимоотношения Германии и Лиги наций, имеют публикации профессора кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Морозова С.В.¹¹

Большой интерес для изучения истории внешней политики Японии представляют произведения Вербицкого С.И., Кошкина А.А., Кутакова Л.Н., Наземцевой Е.Н., Панова А.Н., Славинского Б.Н, охватывающие период с 1919 вплоть до 1940 гг., где публикуются актуальные проблемы внешней и внутренней политики Японии.¹²

Задача в определенной степени облегчается возможностью косвенного использования содержащихся в некоторых исследованиях архивных материалов по данной теме.

Для более детального изучения событий послеверсальского периода, а именно Локарнские, Рапалльские соглашения, особое внимание автор уделил работам Ахтамзяна А.А., Карой Л., Турок В.М., при их анализе, несмотря на

¹¹ Морозов С.В. К вопросу о польско-японском военном соглашении 1931 // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11. С. 104-107.

Морозов С.В. Польша и восточный пакт // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 80-84.

Морозов С.В. К вопросу о секретном польско-германском договоре 1934 // Славяноведение. 2005. № 5. С. 35-53.

Морозов С.В. К вопросу о польско-японском военном соглашении 1931г. // Электронный журнал «Вестник томского государственного университета» - <http://research-journal.org/wp-content/uploads/2011/10/11-1-53.pdf>

Морозов С.В. К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на Восток // Электронный журнал «Вестник томского государственного университета» - http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1500

Морозов С.В. Игры теней в европейской международной политике в 1930-е гг. // Электронный журнал «Великая Победа» - <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghiidii>

¹² Наземцева Е.Н. Японские оккупационные власти и Российская эмиграция в Маньчжоу-го в 30-е годы XX века. – М.: Новая и новейшая история, 2012.

Панов А.Н. Японская дипломатическая служба. – М.: Международные отношения, 1988. С. 184

Славинский Б.Н. СССР и Япония - на пути к войне: дипломатическая история 1937-1945. – М.: Япония сегодня, 1999. С. 540

значительное количество фактического материала, автор не исключал возможности наличия субъективных оценок.¹³

Большой интерес для освещения рассматриваемой в нашей диссертации проблемы имеют работы Никоновой С.В.¹⁴ В них автор на широком круге источников показала позицию германских правящих кругов в вопросе о вступлении страны в Лигу наций. Важное место Никоновой С.В. уделяет отношению ведущих политических партий Веймарской республики к этой внешнеполитической проблеме, освещает позицию Советского Союза.

Большой фактический материал почерпнут из периодической печати: журналы «Международные отношения»,¹⁵ «Наука»,¹⁶ «Новая и новейшая история».¹⁷

Советские историки уделяют значительное внимание проблемам международных отношений в межвоенный период. Уже в 20-40-х годах был издан ряд работ, содержащих обобщенную оценку ситуации, царившей на международной арене.

В настоящее время интерес историков изучаемому периоду заметно повысился. Прежде всего необходимо отметить работы Егорова А.И.,¹⁸ Богатурова А.Д.¹⁹

Анализ историографии свидетельствует о том, что рассматриваемая в настоящей работе проблема не получила достаточно глубокого освещения. В то же время наличие широкого круга разнообразных источников позволяет всесторонне рассмотреть исследуемую тему.

¹³ Ахтамзян А.А. Рапалльская политика: Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах. - М.: Международные отношения, 1974. С. 304

¹⁴ Никонова С.В. Германия и Англия от Локарно до Лозанны. – М.: Наука, 1966. С. 342

¹⁵ Кутаков Л.Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. – М.: Международные отношения, 1964. С. 535

Лебедев Н.И. СССР в мировой политике, 1917-1982. – М.: Международные отношения, 1982. С. 364

¹⁶ Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Японии / Под ред. С.П. Лушников. – М.: Наука, 1981. С. 207

¹⁷ Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией в 1945 году. Политический аспект. – М.: Новая и новейшая история, 2011.

¹⁸ Егоров А.И. Объединенная Германия на международной арене: опыт многосторонних и двухсторонних взаимодействий, 1991 – 2000. – М.: Перо, 2014. С. 404

¹⁹ Богатуров А.Д. Системная история международных отношений. Т. I – IV. – М.: НОФМО, 2004. С. 2087

Структура дипломной работы определяется целью и задачами исследования. Дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

Во введении раскрывается актуальность данного исследования, определяется степень изученности темы, формулируется объект и предмет, а также цель, задачи и методы исследования. В первой главе рассматривается общее положение дел на международной арене в межвоенный период, а также ключевые моменты, определяющие дальнейшее развитие событий. Во второй главе более детально рассматривается внешнеполитический курс Советского Союза, направленный на поддержание мира, совместная деятельность СССР с Францией и Чехословакией, а также провокационная деятельность Японии, препятствующая проведению СССР миролюбивой политики.

В заключении подводятся итоги исследования, формируются окончательные выводы по рассматриваемой теме.

Глава 1. Настроения, царившие на международной арене в межвоенный период

1.1. Ключевые события на международной арене в 20-30-е гг., положившие начало борьбы СССР за создание коллективной безопасности.

Первая мировая война до конца обличила враждебную сущность империализма. Она увенчалась абсолютным поражением Четвертного блока, отнюдь не добившихся реализации собственных намерений передела мира и завоевания мирового господства. Главный соперник британских и французских монополистов на европейском континенте - немецкий империализм - был сокрушен, а сама Германия оказалась вытесненной из числа великих держав.

Ни одна страна после Первой Мировой Войны не была в столь жалкой позиции, как Германия. Весь мир клеймил позором немецкую военно-политическую машину и приветствовал полный ее разгром и тяжелейшие условия договора 1919 г. Согласно жестким условиям Версальского соглашения Германия оказывалась в абсолютной изоляции. Большим ударом по экономике Германии были чрезмерные репарации государствами-победителям. В соответствии с Версальским договором, Германия оказалась единым государством, однако беспомощным в военном понимании, экономически разоренным, политически униженным. В послевоенные года усиливается непрерывный процесс обострения свойственных империализму противоречий.

Даже не существовало проблемы, вокруг которой не бурлила бы дипломатическая борьба. Япония требовала Шаньдун, против чего резко выступал Китай. США больше склонялась к тому, чтобы поддержать интересы Китая несмотря на то, что Великобритания была склонна содействовать Японии.

Французское правительство настаивала на том, что наискорейшим образом рассмотреть немецкий вопрос и перейти к русскому. Маршал Фош утверждал, что союзники имеют все шансы оказаться в проигрыше, в случае, если не решат русской проблемы: это может произойти, когда Берлин во имя укрепления собственных интересов, направит деятельность своей внешней политики в направлении налаживания взаимоотношений с Москвой либо сама станет жертвой большевизма.

По итогам Версальского договора славянские народы были разъединены огромной пропастью, а Польша должна была служить Франции плацдармом для нападения на Россию.²⁰

В 1919 году, 16 января состоялось заседание Совета десяти в кабинете министра иностранных дел Франции Пишона. На этом совете Ллойд Джордж поднял вопрос о положении Советской России. Он внес предложение, которое заключало в себе три вероятных метода решения русской проблемы: попытаться прийти к обоюдной договоренности, блокада или же военную интервенцию, тут же признав, что открытая военная интервенция может оказаться губительной.

Версальская система носила контрреволюционный характер, была направлена против Советской России и создавалась в интересах борьбы с революционным и национально-освободительным движением. Теоретически, Версальский мирный договор не только официально завершал Первую мировую войну, но и разделил Европу на три сегмента: победителей, побежденных и Россию. Последствиями создания СССР в 1922 году стали, во-первых, изоляция нового государства, а, во-вторых, её положение вне правового поля европейских международных договоров. Такой исход событий давал возможность возрождению против него агрессивных настроений, а затем, при необходимости, оставить его в позиции виновного.²¹

²⁰ Потемкин В.П. История дипломатии. Т. III. – М.: Гослитиздат, 1945. С. 17-30

²¹ Морозов С.В. К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на Восток // Электронный журнал «Вестник томского государственного университета» - http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1500. 84 с.

Обособленность Советского Союза влекла крупнейшую опасность для стабильности Великобритании. Было очевидно, что в Европе царил полнейший хаос – бывшие противники не могли смириться с утратами, бывшие союзники опасались лишиться свои приобретения, в связи с чем малые нации могли подвергнуться притеснениям. Несмотря на неспособность Берлина на проявление агрессии непосредственно в данный момент, сложившееся положение дел не оставляло сомнений, что рано или поздно Германия вновь станет актором, играющим не последнюю роль на международной арене. Следует обратить внимание, что для более легкого достижения заданной цели были заранее предусмотрены вспомогательные рычаги: правовой и экономический.²²

Если говорить другими словами, в меморандуме содержалась некий план, который являл собой сложный механизм, предусматривающим план действий для дипломатий ведущих держав. Суть этого плана заключалась в том, чтобы объединить внешнеполитический курс побеждённым государствам и странам-победительницам против нового непризнанного государства – советской России.²³

Итак, начнем с того, что правовым рычагом давления стала 19-я статья Устава Лиги Наций, которая предусматривала изменение существовавших границ государств мирным способом. Это обозначало, что вышеупомянутая статья позволяла в нужный момент завладеть у Польши «польский коридор», созданный в следствие выполнения одного из «14 пунктов» американского президента Вудро Вильсона и обеспечивавший Польши выход к морю в районе г. Данцига.²⁴

Если говорить об экономическом рычаге давления на Германию, то стоит упомянуть план, созданный чикагским банкиром Чарльзом Дауэсом в 1924

²² Там же. С. 84

²³ Там же. С. 85

²⁴ Морозов С.В. Варшавская мелодия для Москвы и Праги: документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска польского и др. 1933-1939. – М.: Международные отношения, 2017. С. 6-7

году, предусматривающий выплаты кредитов Германии. Доклад экспертов, вошедший в историю под наименованием плана Дауэса, включал в себя три составляющие. Первая часть содержала единые заключения экспертов и точку зрения комитета. В этой части особое внимание уделялось тому, что эксперты устанавливали своей целью взимание долга, а никак не использование карательных мер. Во второй части доклада характеризовалось общее финансовое и экономическое состояние Германии. Третья часть содержала несколько дополнений к первым двум частям и определяла обеспечение уплаты Германией репараций путем её хозяйственного восстановления как основополагающую цель. Для её реализации было решено посодействовать Германии со стороны американско-английского капитала, прежде всего в вопросах стабилизации валюты и формирования бюджетного баланса. Комитет экспертов предложил предоставить Германии международный заём в сумме 800 миллионов золотых марок для стабилизации германской марки. Эти выплаты должны были поступить в Германию только после подписания последней гарантийного пакта.²⁵

Несмотря на старания экспертов, противоречия, обнаруженные в связи с вопросом о репарациях Германии, примирить не удавалось. Этот план только создавал иллюзию договоренности между странам-победительницами и Германией. Однако, план Дауэса являлся победой американско-английского блока над Францией.

Основной задачей, которую преследовал план Дауэса, было не столько упрочнение и стабилизация капиталистического хозяйства, но и облегчение борьбы с революционным движением германской буржуазии, а также использование Германии для политического и экономического подчинения Советской России. А 3 Октября 1924 года последняя цель была явно сформулирована в речи Болдуина: «Господа, — объявил он, — Западная Европа отстаивала цивилизацию (одобрение), и наш долг сделать всё, чтобы

²⁵ Никонова С.В. Германия и Англия от Локарно до Лозанны. М., 1966. С. 26–27

защищать её и в дальнейшем (одобрение). Барьер для защиты западноевропейской цивилизации должен быть сделан крепким и прочным, чтобы он мог устоять против всяких разрушительных наступлений, идущих с Востока. Для этой цели нет лучшего и более верного средства, чем осуществление плана Дауэса, которое приведёт германский рынок в соприкосновение с мировыми рынками. Немцы всегда вели самую крупную торговлю с Россией, так как они ближе к ней географически, знают русский язык и понимают методы русской торговли. По моему мнению, самым полезным делом для мировой торговли было бы развить торговлю с Россией при содействии Германии, с тем чтобы Германия излишки своего экспорта платила, что нужно ей для уплаты процентов по нашим долгам Америке, реализовала на русском рынке, вместо того чтобы выбрасывать эти массы экспортного товара в нашу страну или же в наши колонии».²⁶

Это заявление обосновывает предположение, что бывшие страны-союзницы при помощи плана Дауэса намеревались сделать из России аграрно-сырьевой источник индустриального Запада.

Некоторые буржуазные правительства заняли непримиримую позицию в вопросе о признании СССР, движимые надеждами на то, что Советский Союз не сможет устоять перед натиском американского и европейского капиталов. Другие же страны диктовали Советскому Союзу условия его признания, несовместимые с достоинством и честью СССР.

Г.В. Чичерин очень точно отобразил суть происходящего: «В мирных договорах имеются пробелы, которые были там оставлены сознательно с целью дать возможность в конце концов приспособить их к более нормальным условиям. Мы не можем разрешить Германии пытаться расширить эти пробелы или использовать их слишком рано, и мы не можем разрешить Франции совершенно закрыть эти пробелы».²⁷

²⁶ Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России / Гурович А., Калашникова Е., Рубина В. / Под ред. Гальпарина Р. – М.: ГИИЛ, 1946. С. 50

²⁷ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. - М.: Соцэкгиз, 1961. С. 400

На встрече в Берлине в июле 1925 года директора Федерального резервного банка США Б. Стронга и директора английского банка М. Нормана с директором германского имперского банка Я. Шахтом было озвучено, что выплаты по раннее обсуждаемому плану Дауэса Германии будут предоставлены после подписания гарантийного пакта.²⁸

Пытаясь создать впечатление, что не преследует своей целью ревизию мирного договора, германская дипломатия стремилась к закреплению своих позиций в наиболее важном пункте; отсюда она стремилась перейти в общее наступление против версальской системы.

Германское предложение о Рейнском гарантийном пакте не включало никаких обязательств, обеспечивающих неприкосновенность восточных границ Германии. Несомненно, что Германия втайне рассчитывала добиться пересмотра этих границ.

Английская сторона не сразу поддержала германский демарш. По заявлению д'Абернона 20 февраля 1925 г. членам кабинета был роздан меморандум, составленный Остином Чемберленом. Он предлагал трёхсторонний пакт между Великобританией, Францией и Бельгией. В этом меморандуме международное положение в послевоенной Европе описывалось как весьма непрочное. Это шаткое положение «не в малой степени вызывается исчезновением России в качестве одной из крупнейших держав европейского концерна, — заявлял меморандум. — Завтра, может быть, Россия будет иметь решающее значение в континентальном равновесии. Сегодня же она нависла, как грозная туча, над восточным горизонтом Европы — угрожающая, не поддающаяся учёту и прежде всего обособленная».

29

Однако, английская дипломатия, подавшись на шантаж со стороны Германии перспективой сближения с Советским государством, заняла

²⁸ История дипломатии. Т. III. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны 1919-1939 / Под ред. Потемкин В.П. — М.: Гослитиздат, 1945. С. 324

²⁹ Потемкин В.П. Указ. Соч. С. 351

позицию, способствующую возрождению германского империализма и подготовке его к реваншу, как в военном плане, так и в политическом. Так же английская дипломатия пресекла все попытки Бриана включить в пакт гарантию неприкосновенности границ всех соседних с Германией государств.

Итак, в 1925 году на Локарнской конференции были представлены международно-правовые акты. Первый – договор – обязательный к исполнению, был придан Рейнскому пакту – гарантийному договору между Германией, Великобританией, Францией, Бельгией, Италией. Гарантом данного соглашения являлась Англия; он предусматривал неизменность германских границ на западе. Относительно восточных немецких границ предусматривались арбитражные соглашения, что делало их свободными для изменений. Это предоставляло Германии настоящий шанс приступить к движению на Восток, так как, в соответствии с 19-ой статьёй Устава Лиги Наций, «арбитражный договор» вынуждал Чехословакию и Польшу согласиться на изменение границ.³⁰

Локарнские соглашения заключались с Германией, в отличие от Версальского договора, как с равноправной стороной, что давало ей возможность получить постоянное место в Совете Лиги наций в качестве одной из великих держав.³¹

С этих пор перед немецкой дипломатией открывалась широкая международная арена. Уже Рапалльский договор, заключенный с СССР в 1922 году, поднял её авторитет. После его подписания союзники начали стремиться к примирению с Германией, так как опасались её сближения с Советской Россией.³²

Если говорить о Великобритании, то тут совершенно очевидна её дипломатическая победа в Локарно, так как задавала основной тон переговорам о гарантийном пакте. Она отклонила невыгодные для Англии

³⁰ Никонова С.В. Указ. Соч. С. 32

³¹ Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959 С. 27, 32–37

³² Турок В.М. Локарно. М. ; Л., 1949 С. 103

требования Германии, Италии, Франции и Польши, а также попрепятствовала непосредственным переговорам Германии с Францией. Именно английская дипломатия отделила Германию от Советской России и сблизила её с Лигой наций, в качестве противовеса Франции и участника того европейского концерта, в котором роль главного актора сохранялась за британской дипломатией. Более того, Англии представилась возможность стать покровителем Италии, предоставив последней почетное положение второго гаранта Рейнского пакта.³³

Инициаторы Локарнской конференции преследовали антисоветские цели. Равно как подтверждают записи секретных заседаний Локарнской конференции, там предполагались три вероятных варианта участия Германии в акциях (формально под флагом Лиги Наций), нацеленных против СССР: непосредственное участие в войне; косвенное участие путём пропуска войск через германскую территорию; использование экономических санкций.³⁴

Представители Германии, подписав на Локарнской конференции Рейнский пакт, не давали конкретных обещаний касательно принятия участия в антисоветских акциях. Дипломатические круги Западной Европы расценили заключение вышеупомянутого пакта как поворот Германии в сторону «западной ориентации». Однако германская дипломатия в целях маскировки отрицала этот поворот. Штреземан в беседе с журналистами во время Локарнской конференции заявил: «Неправильно думать, что Германия должна выбирать между западной и восточной ориентациями. Германия хочет сохранить добрые отношения со всеми государствами». Позиция Германии диктовалась её рвением гарантировать для себя вероятность для осуществления независимой внешней политики и поэтому не прекращать отношений с Советским Союзом, основой которых был Рапалльский договор, подписанный в 1922 г. Несмотря на уверения Германского

³³ Морозов С.В. К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на Восток С. 85

³⁴ Турок В. М. Указ соч. С. 104

правительства в дипломатических беседах с Советской Россией, в переписках официального и полуофициального характера, в своей постоянном, благожелательном и лояльном отношении к стране Советов, Москва допускала долю сомнений касательно верности Германии. Её вынуждали это делать наличие плана Дауэса и гарантийных переговоров. Рапалльский договор давал возможность процветанию экономическому сотрудничеству Берлина и Москвы. Однако взаимоотношения Германии и СССР резко ухудшились, когда Локарно создало непосредственную угрозу политической изоляции СССР. В 1926 был заключён советско-германский договор о ненападении и нейтралитете, что в значительной степени ослабляло антисоветскую направленность политики Локарно.³⁵

В итоге Локарнские соглашения легли в основу некоей перегруппировке мощи империалистических государств на Европейском континенте и предоставили вероятность усовершенствовать Версальский договор посредством введения в него гарантийного пакта и арбитражных договоров, о которых говорилось выше.

«Что касается Локарно, — говорил товарищ Сталин на XIV съезде, — то оно является лишь продолжением Версаля, и оно может иметь своей целью лишь сохранение „статус-кво”, как выражаются на дипломатическом языке, т. е. сохранение существующего порядка вещей, в силу которого Германия есть побеждённая страна, а Антанта — победительница». Однако же империалистическая Германия не собиралась мириться с таким положением и рассматривала Локарнские соглашения в качестве временной отсрочки своих реваншистских планов.

«Локарно чревато новой войной в Европе», — продолжал товарищ Сталин свою мысль. «Если раньше, после франко-прусской войны вопрос об Эльзас-Лотарингии, один из узлов существовавших тогда противоречий,

³⁵ Ахтамзян А.А. Рапалльская политика: Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах. - М.: Международные отношения, 1974. С. 299

послужил одной из серьёзнейших причин империалистической войны, то какая гарантия, что версальский мир и его продолжение — Локарно, узаконяющие и юридически освящающие потерю Германией Силезии, Данцигского коридора и Данцига, потерю Украиной Галиции и Западной Волыни, потерю Белоруссией западной её части, потерю Литвой Вильно и проч. — какая гарантия, что этот договор, искромсавший целый ряд государств и создавший целый ряд узлов противоречий, что этот договор не разделит судьбу старого франко-прусского договора, отторгнувшего после франко-прусской войны Эльзас-Лотарингию от Франции? Такой гарантии нет и не может быть». ³⁶

Локарнские договоренности стали завершающим этапом той политики «замирения» Европы, которая было положено начало еще с момента подписания плана Дауэса. Но на самом деле, умиротворения Европы так и не добились. Противоречия между державами, подписавшими Локарнские соглашения, продолжали усугубляться.

Стратегия «замирения» явилась несостоявшейся в первую очередь по отношению к Германии. Официально Локарнские договоры были приняты немецкими правящими кругами. По истине, хоть нацисты и другие реакционно-националистические партии разыграли комедию бурной оппозиции против Локарно, но на самом деле гарантийный пакт был ратифицирован Рейхстагом. ³⁷

Штреземан откровенно высказывал свое мнение относительно использования Локарнского пакта в качестве рычага для возрождения как экономической, так и военно-политической мощи Германского государства. «Я предвижу в Локарнском пакте получение Рейнской области и возможность возвращения немецких территорий на Востоке», — писал Штреземан 27

³⁶ Документы внешней политики СССР. Т. VIII. — М.: Госполитиздат, 1963. С. 747

³⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XV. — М.: Госполитиздат, 1969. С. 6-8

ноября 1925 г. представителю реваншистских кругов Германии, депутату Неделю.³⁸

Штреземан никак не старался придерживаться Локарнских соглашений. Наоборот, он, в первую очередь, желал подлинной отмены военного раздела, предусмотренного Версальскими соглашениями; упразднения международного контроля и эвакуации Рейнской области. Лигу наций он рассматривал в качестве рычага давления для поступательного продвижения интересов Германии, убежденный, что, если в Лиге наций будут отвержены идеи мирной ревизии договоров, он сможет её покинуть. «Штреземан не питал доверия ни к Лиге наций, ни к Англии, — рассказывает Блондель. — Но он был дипломатом по темпераменту и в желал политики катастроф. „Скажите вашим соотечественникам, — вкрадчиво заявил он мне однажды, — что Франция должна помочь восстановлению Германии. Это выгодно также и для неё. Нужно предать многое забвению. Война есть война. Она всегда приводит к разрушениям”».

«Густав Штреземан был для нас опасным противником, — заключал Блондель, — хотя его политика по внешним признакам и отличалась от гитлеровской, он подготовил путь Гитлеру».³⁹

Локарнская политика предполагала не только «замирение» буржуазной Европы, но и создание антисоветского союза. В этом блоке важное положение должна была занять Германия. И в общем-то она ничего не имела против принятия участия в таком союзе. Однако же именно в тот период, разного рода военные планы имели для нее только перспективное значение, учитывая тот факт, что вооруженные силы Германии были ещё на стадии восстановления. Но и подчинять свою политику планам и интересам других государств, исполняя роль «континентальной шпаги» для кого-либо немцы не собирались. Ещё одним важным моментом являлось то, что придерживаться хороших отношений с Советским Союзом Германии было выгодно, так как её

³⁸ История дипломатии/ Под ред. Потемкин В.П. Указ соч. С. 380

³⁹ Турок В.М. Указ соч. С. 89-91

вынуждали её экономические перспективы. И в конце концов, немецкая дипломатия использовала угрозу своего дальнейшего сближения с Советским Союзом, чтобы была возможность шантажировать и давить на внешнюю политику западноевропейских государств. Принимая участие в локарнских переговорах, Берлин не исключал и задачу упрочнения экономической связи с Советским Союзом. За несколько дней до подписания Локарнских соглашений, 12 октября 1925 г. в Москве Германия подписала с Советским Союзом экономический договор, который урегулировал несколько весьма значимых юридических и хозяйственных проблем. В тоже время немецкий банк подписал договор с советским торгпредством в Берлине о предоставлении СССР краткосрочных кредитов.⁴⁰

В скором времени уже после Локарнской конференции союзники стали требовать, чтобы Германия присоединилась к составу Лиги наций, приняв на себя соблюдения всех обязательств, предписанных её уставом.

Не маловажным фактором в создании антисоветского союза было и вступление Германии в Лигу наций. Суть 16 статьи статута Лиги делало её возможной стать орудием стран-победительниц с целью использования Германии в борьбе против Советского Союза. По этой причине советская дипломатия посчитала важным предпринять предупредительные меры.

Целью германского государства при присоединении к Лиге наций было получение равных прав с другими государствами. Она стремилась добиться отмены военных статей Версальского мирного договора и легализации своих вооружений. Проблема советско-германских взаимоотношений стала предметом торга между Германией и западными странами.⁴¹

Британская дипломатия шла на уступки, поддаваясь такому напору со стороны немецкой дипломатии, пускавших в ход свои угрозы сближения с Советской Россией.

⁴⁰ Турок В.М. Указ. соч. С. 92

⁴¹ Никонова С.В. Указ. соч. С. 81

Предстояло решить столь значимый вопрос, как снятие военного контроля с Германии.

Таким образом, Германия вступила в Лигу наций наряду с великими державами.

Из этого следует, что политика Локарно терпела неудачу. Все без исключения усилия «замирения» Европы были бессильными. Одной из ключевых факторов, послужившего причиной краха данных усилий было то, что державы-союзницы желали изолировать Советскую Россию и принимать решения по наиболее важным вопросам международных отношений Европы без её содействия.

Несмотря на это, государства, которые на самом деле стремились к сохранению мира и не желающие военных конфликтов, четко определяли, что сплочение с СССР – исключительный точный подход для осуществления заданной цели. Этот путь способен был вывести страны из путаницы послелокарнских столкновений интересов, многозначных политических комбинаций и лжепацифистских союзов на широкий путь миролюбивого партнёрства.

Между тем во многих странах присутствовали реакционно-империалистические круги, которые стремились не позволить перевоплощения старой, неразвитой России в передовую, сильную и самостоятельную социалистическую державу. Осознавая данный факт, Советская Россия интенсивно усиливала собственную подготовку к обороне и следила за сохранностью своей безопасности.⁴²

Подобные страны, как Германия, Япония, Италия, были недовольны версальским переделом мира, по этой причине они тайно готовились к вооруженной борьбе дабы отстоять собственные интересы, а именно: за внешние рынки, сферы влияния, источники сырья.

⁴² Документы внешней политики СССР. Т. XV. С. 8-9

В особенности критично проблема о новых рынках сбыта стоял перед Германией после принятия плана Дауэса и Локарнских договоренностей. Это давало возможность немецкому правительству существенно укрепить свою экономику. Увеличению финансового капитала Берлина поспособствовало обеспечение ему большого займа в размере около 800 миллионов долларов, поступление зарубежных и возврат немецких капиталов, стабилизация марки, подписание выгодных торговых соглашений, технические преобразования и совершенствование индустрии.⁴³

В скором времени уже после нарастания напряжения германо-польских взаимоотношений и победы нацистов на выборах в 1930 году возник план по разоружению, инициатором коего являлась Франция. Данный проект подразумевал формирование интернациональной армии будто в интересах мира. Правящие круги Франции предполагали, что подобная армия могла бы применяться против СССР и Германии. Этот проект столкнулся с протестами и большим количеством оговорок со стороны стран-союзниц, тогда Поль Бонкур внес предложение предоставить данный проект и ему подобные на рассмотрение и усовершенствование в комиссию, для того, чтобы она выявила «такую формулу, с которой все могли бы согласиться».

Проект не включал какие-либо конкретные положения, касающейся цифр. Странам было предоставлено право самостоятельно установить степень вооружения в зависимости от уровня защищенности государства, от её географического местоположения и международных обязанностей. Бесспорно, это давало возможность вопрос вооружения свести к безграничным диспутам и фактическому саботажу разоружения.⁴⁴

В первых трёх сессиях предварительной комиссии советская делегация участия не принимала, так как заседания проходили в Швейцарии, с которой после убийства Воровского Советская Россия прервала любые

⁴³ Егоров А.И. Объединенная Германия на международной арене: опыт многосторонних и двухсторонних взаимодействий, 1991 – 2000. – М.: Перо, 2014. С. 304

⁴⁴ История дипломатии / Под ред. Потемкин В.П. Указ соч. С. 440

взаимоотношения. Советская делегация прибыла в Женеву 30 ноября 1927 году только после того, как Швейцария принесла свои извинения и выразила сожаление по поводу убийства Воровского. На первом же заседании комиссии она огласила декларацию, в которой разоблачала полную бессмысленность работы Лиги наций по разоружению.⁴⁵

Стоило советской делегации поднять вопрос о разоружении на принципиальную и фактическую основу, ровно как империалистические державы, которые старались безрезультатными и долгими обсуждениями замаскировать подготовку к войне, не могли утаить собственного раздражения. И в следствии данных споров проект советской делегации о всеобщем разоружении был отклонен под предлогом невозможности комиссии рассматривать проект полного разоружения, а исключительно частичного и постепенного. Отвергнув советские проекты и создав самую тягостную обстановку работы для делегации СССР, подготовительная комиссия довольно понятно показала собственную неготовность и неспособность способствовать хотя бы частичному решению вопроса разоружения.

Окончательным достижением «антимилитаристской» дипломатии являлся так именуемый пакт Бриана — Келлога об отказе от войны в качестве орудия национальной политической деятельности. Инициатором этого пацифистского пакта был Бриан.

Перед Келлогом стояла цель заключить договор между США и Францией, запрещающий любого рода наступательную войну. В последующем времени к нему имели бы возможность примкнуть и другие державы. Келлог заявил, что правительство Соединенных Штатов стоит за отказ от войны как орудия национальной политики, поэтому оно видит невозможным принятие предложения Франции. Однако, американскому

⁴⁵ Документы внешней политики СССР. Т. X. — М.: Госполитиздат, С. 1965. 529

правительству пришлось идти на уступки дабы избежать краха собственного проекта.⁴⁶

Проект был изменён в соответствии с ключевыми условиями Великобритании и Франции, сводившимися к тому, что дозволялись войны в интересах обороны государств.

27 августа 1928 г. в Париже состоялась церемония подписания пакта Келлога. Участие на этой церемонии принимали представители Германии, Англии, Франции, Италии, Японии, Чехословакии и Польши.

В первой статье пакта договаривающиеся стороны сообщали, что они «исключают обращение к войне для Урегулирования международных споров и отказываются от таковой в своих взаимных отношениях». Вторая статья подразумевала применение мирных средств при урегулировании всевозможных конфликтных ситуаций, споров, возникающих между сторонами. И третья статья, сообщала о том, что пакт раскрыт для того, чтобы к нему могли примкнуть другие державы: сообщения о таком присоединении станут приниматься правительством Америки.

26 сентября 1928 г. Лига наций приняла Генеральный акт, который предусматривал судебную и арбитражную процедуру рассмотрения и урегулирования столкновений и противоречий между участниками пакта Келлога.

«В намерения инициаторов этого пакта, — заявил народный комиссар, — очевидно, входило и входит стремление сделать из него орудие изоляции и борьбы против СССР. Переговоры по заключению так называемого пакта Келлога, очевидно, являются составной частью политики окружения СССР, стоящей в данный момент в центре международных отношений».

1 апреля 1929 г. уже 44 державы присоединились к пакту Келлога и 24 июля 1929 г. он вошёл в силу.⁴⁷

⁴⁶ История дипломатии / Под ред. Потемкин В.П. Указ. Соч. С. 443

⁴⁷ Потемкин В.П. Указ. Соч. С. 240

К концу 1929 г. в государствах капитализма грянул невероятный по силе экономический кризис, который длился дольше, нежели предшествовавшие кризисы - вплоть до 1932 г. Практически прекратился вывоз капитала, многие предприятия и банки перестали осуществлять платежи по обязательствам и объявили своё банкротство.

Как следствие кризиса, разразилась борьба за сферы влияния, за рынки, за передел колоний, за экспорт капитала. Обострились противоречия среди империалистических стран, между странами-победительницами и странами побеждёнными, между империалистическими странами, их колониями и зависимыми странами, наконец, между рабочими и капиталистами, крестьянами и помещиками.⁴⁸

В 1930 — 1931 гг. были сформированы одна за другой противосоветские кампании. Их политический курс был направлен на подготовку мнения общественности к нападению на Советскую Россию и нарушить строительство социализма, благополучно выполняемое по плану первой пятилетки.

Германские фашисты являли собой самых яростных пропагандистов антибольшевистского «крестового похода». Уже в 1923 г. в Германии наиболее активные вооруженные банды сплотились под знаком свастики. Они были на содержании банков, юнкерства и тяжёлой индустрии. Во главе этого блока был и Гитлер со своей на тот момент не многочисленной так именуемой национал-социалистической партией; из её членов он хотел сформировать руководящие кадры фашистских организаций по всей Германии.⁴⁹

Экономический кризис продолжал усиливаться: наравне с упадком производства, вся система кредита и государственный финансы капиталистических стран были в состоянии глубокой депрессии, учащались банкротства капиталистических фирм. Первой сдала свои позиции

⁴⁸ История дипломатии. Т. III. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы / Под ред. Громыко А.А., Земсков И.Н. – М.: Госполитиздат, 1965. С. 150

⁴⁹ Лебедев Н.И. СССР в мировой политике, 1917-1982. – М.: Международные отношения, 1982. С. 364

австрийская банковская система; в эту страну прекратился поступление займов и резко упал экспорт, в особенности в Германию.⁵⁰

Несмотря на то, что Германии всё ещё приходилось утаивать свои реваншистские цели, основной её целью была наибо́льшее их осуществление. Первым делом она потребовала присоединить Австрию к Германии. Но потерпела неудачу. Провал замысла немецкой дипломатии озлобил германских реваншистов. Национал-социалисты развернули в стране самую бесшабашную националистическую демагогию.

Это же поспособствовало смене политического направления Германии вправо: немецкое государство встало на курс фашизации. Деятельность её дипломатии упорнее стремилась достичь подрыва версальской системы и реализации немецкого реванша.

Однако состояние в Европе всё больше ухудшалось, а Германия была на грани экономического краха. Упадок фунта стерлингов спровоцировало удар по финансово-кредитной системе в абсолютно всех сопряженных с Великобританией странах и в Соединенных Штатах.

Итак, всемирное экономическое бедствие вела непосредственно к европейскому политическому кризису, очевидно влекшее за собой войну.

Среди общего бедствия кризис не коснулся лишь Советской России. Успехи первой пятилетки, экономический подъем и политическое укрепление СССР вызывали крайнее раздражение империалистов.

4 декабря 1929 г. на второй сессии ЦИК СССР пятого созыва в докладе народного комиссара иностранных дел внимание уделялось усилению выражению агрессии к Советскому Союзу в правящих реакционно-буржуазных кругах империалистических держав.

В данном отношении в особенности беспокойные признаки прослеживались в Японии и Германии.

⁵⁰ История дипломатии / Под ред. Громыко А.А., Земсков И.Н. Указ. Соч. С. 150

«За последний год, — гласил доклад, — мы имеем новые доказательства того, что в Германии имеются лица, группы, организации и даже партии, которые ставят своей целью радикальное изменение политики Германии в сторону антисоветских махинаций... За подобными попытками необходимо внимательно следить».⁵¹

Направление дипломатии Советского Союза к укреплению мира было отнюдь не беспочвенным, так как давно назревавший подрыв версальской системы практически начинался и, свыше того, он привел к появлению первого очага войны. Этот очаг зажгла на Дальнем Востоке империалистическая Япония, приняв на вооружение положительно для неё сформировавшуюся международную ситуацию.

В 1931 г. японские войска заняли Мукден и несколько иных городов Южной Манчжурии. Японские войска стремительно продвигались в глубину государства. Предлогом к проникновению стал инсценированный самими японцами диверсионный акт — подрыв рельсов на японской линии ЮМЖД.

Япония, явно нарушив версальско-вашигтонскую систему, не столкнулась с реальным противодействием со стороны иных государств. Лига наций с её непростой системой сессий и комиссий наименее всего могли являться орудием влияния на поджигателей войны.

Попытка враждебных операций Японии, оставшихся безнаказанными в первую очередь воодушевил германских империалистов. С этого времени их борьба против мирных договоров переходит на новый этап, а именно — к явному свержению версальской системы.

Гитлеровская партия национал-социалистов, устремляясь к захвату власти, обратилась к шовинистической демагогии с целью привлечения на свою сторону мелкобуржуазных масс.

Для свершения поставленных задач гитлеровцы применяли данную демагогию не только лишь в недрах своего государства, но и, прибегая к

⁵¹ Документы внешней политики СССР. Т. XII. — М.: Госполитиздат, 1967. С. 606-621

международному общественному мнению, они представляли Версальский договор в качестве основной первопричины возрастающей революции в Европе.

Гитлер желал заручиться также поддержкой итальянских фашистов. Но Муссолини пока не хотел себя связывать с ним какими-либо обещаниями. Гитлер настаивал, что угрозу миру несут не германские национал-социалисты: «Французский милитаризм вместе с русским большевизмом представляет в настоящее время одну из величайших опасностей для спокойного развития человечества».⁵²

«Гитлер, раздувающий гражданскую войну, призывающий к крестовому походу против большевизма, — писала французская газета «Temps», — борется в то же время с Версальским договором и с французским „милитаризмом“. Весь этот маневр сводится к тому, чтобы вбить клин между Францией и англосаксонскими странами». Французский журналист не отметил, что Гитлер одновременно вбивал клин между демократическими странами и Советским Союзом. Для Гитлера «восточный клин» был основанием всех его планов.⁵³

В обстановке всё более обостряющихся противоречий между империалистическими странами открылась 2 февраля 1932 г. в Женеве Международная конференция по разоружению.

Французы вновь выступили с предложением создать «международную армию» при Лиге наций. Они предлагали всем государствам передать для этой цели в распоряжение Лиги наций известную часть гражданской и бомбардировочной авиации, а также часть своих сухопутных и морских вооружённых сил.

Английская делегация занимала на конференции руководящее положение. Но вступительная речь Гендерсона, открывшего конференцию,

⁵² Потемкин В.П. Указ. Соч. С. 76

⁵³ История дипломатии. / Под ред. Потемкин В.П. Указ. Соч. С. 496

как отмечала даже английская пресса, «но содержала ни одного намёка на созидательную или продуманную политику».⁵⁴

Все без исключения действия на Дальнем Востоке, реакция стран, принимавших участие в Международной конференции, вдохновили Германию на более активное продолжение борьбы с версальскими ограничениями. Ссылаясь на экономический кризис, Берлин⁴ категорически отказалось от исполнения даже тех облегчённых обязательств, какие установили для неё согласно плану Юнга.

Обстановку на международной арене обостряла и неудача конференции по разоружению.

26 июля 1932 г. германский военный министр генерал фон Шлейхер, воспользовавшись предметом прений во французской Палате депутатов по проблеме военного бюджета, заявил, что Германия может сама позаботиться о своей безопасности, поскольку ей отказано в равноправии в вопросе о вооружениях.

Выборы в германский Рейхстаг прошли 31 июля 1932 г. под воздействием шумной шовинистической компании, что принесло победу национал-социалистам. По всей Германии развернулся нацистский террор.

Англия под представительством Макдональда пошло на уступки Германии, так как не могли добиться результатов и согласованности в отношениях с Францией, которая всё настойчивее требовала гарантий защищенности её границ. 17 ноября 1932 г. Англия опубликовала меморандум, суть которого заключалась в том, что, так как уменьшить вооружение стран до такой степени, чтобы реализовать идею равенства вооружений, нереально, следует оказать содействие Германии и одобрить её идею наращивания военного потенциала.

Данное постановление, под нажимом британской делегации, обсуждалось в декабре 1932 г. в Женеве на совещании пяти держав — США,

⁵⁴ Богатуров А.Д. Системная история международных отношений. Т. II. – М.: НОФМО, 2004. 348 с.

Франции, Италии, Германии и Великобритании. Установленная на совещании резолюция, позволявшая Германии иметь возможность в равноправии в вооружении в рамках системы безопасности, которая равна абсолютно для всех. Данное неопределенное определение содержало в то же время и немецкий принцип равенства, и французский принцип защищенности. Но согласно сути, победителем стало Германское правительство: ему представлялся шанс наращивать военный потенциал. Провал конференции по разоружению данным заключением было полностью определен. Вопрос о разоружении трансформировался в проблему о довооружении враждебно настроенных государств.⁵⁵

На Международной экономической конференции, проходившей летом 1933 г. в Лондоне, а также на конференции по разоружению советские делегаты, осуждая выступления германских представителей, раскрыли подлинное лицо фашизма и его замыслы. Делегация гитлеровской Германии на Международной экономической конференции выступила с меморандумом в духе фашистской разбойничьей идеологии. В нем содержалось требование, чтобы в распоряжение «народа без пространства» были предоставлены «новые территории, где эта энергичная раса могла бы учреждать колонии и выполнять большие мирные работы». Далее прозрачно намекалось, что такие земли можно получить за счет России, где революция будто бы привела к разрушительному процессу, который пора остановить. Меморандум был оценен советской внешней политикой - и на заседаниях конференции, и в ноте правительству Германии - как прямой «призыв к войне против СССР».⁵⁶

⁵⁵ История дипломатии. / Под ред. Потемкин В.П. Указ. Соч. 507

⁵⁶ Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 439-445

1.2. Пакт четырех. Выход Германии из Лиги Наций

В следствие того, что осуществлялась очевидная трансформация превосходящего потенциала Германии из демографического и хозяйственного в военно-политический курс, более того, усиление правых тенденций во внутренней политике, от которых исходила угроза нарушения равновесия на международной арене в большей мере.⁵⁷ Партия Гитлера устремлялась к власти, уже имея разработанный план покорения Европы и насаждения мирового господства. Без завоевания «жизненного пространства», без расширения территории «большой народ обречён на гибель». Однако вопросу «жизненного пространства» для Германского правительства следует разрешаться не на путях прежней колониальной или торговой политики. «Единственная для Германии возможность здоровой территориальной политики заключается в приобретении новых земель в самой Европе». Гитлер доказывал, что новых территорий нужно искать на востоке Европы, «в первую очередь в России и в тех окраинных государствах, которые ей подчинены».

Одной из наиболее важных целей внешней политики Гитлера был крах французской системы военно-политических союзов в Центральной и Юго-Восточной Европе. Основной удар Берлин сосредоточила против Малой Антанты, которая была на тот момент наиважнейшей частью французских блоков. В письме к послу в Риме Хасселю от 7 февраля 1933 г. германский министр иностранных дел Нейрат акцентировал внимание, что первоочередной целью была работа над поэтапным ослаблением и, в случае если допустимо, абсолютным крахом Малой Антанты в будущем.⁵⁸ Усилия, направленные на прекращение данного процесса извне были безрезультатны.

Когда Гитлер стремился стать немецким канцлером, - в августе 1932 г., он вел продолжительные переговоры с единомышленниками, обсуждала цели

⁵⁷ Морозов С.В. Варшавская мелодия для Москвы и Праги: документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска польского и др. 1933-1939. С. 10

⁵⁸ Рябоконт С.И. Позиция малой антанты в период переговоров о «пакте четырех» // Электронный журнал «Уральский Федеральный университет» -http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/40071/1/balkan_1973_2_08. 161 с.

и способы их достижения. «Добьёмся ли мы морального поражения противника перед войной? — вопрошал Гитлер. — Вот вопрос, который меня интересует. Везде, в самой вражеской стране, мы будем иметь друзей, которые нам помогут. Мы сможем их обеспечить. Смятение чувств, конфликты, нерешительность, паника — вот что будет нашим оружием».

Во время реализации собственной программы, предусматривающей подготовительные этапы к войне, Гитлер двулично убеждало представителей остальных государств в том, что он неподдельно стремится к проведению миролюбивой политики. Он позиционировал себя как убеждённого приверженца европейской безопасности. Гитлер доказывал, что основная опасность для мира таится в незащищенности и безоружности Германии перед лицом большевистской угрозы. В том же тоне Гитлером было выражено стремление развивать мирное сотрудничество с державами.

Взволнованная Европа с опаской наблюдала за тем, что происходило в Германии.

В ноябре 1932 г. правительство Эррио было вынуждено согласиться на признание за Германией равноправия в международной системе, этот принцип стал основой декларации пяти держав. Было ясно, что это означает, что она крепнет и со временем станет господствующим государством, так как ни одна страна Западной Европы не могла конкурировать с ней как в материальных ресурсах, так и в национальной сплоченности. В марте 1932 г. Комитет имперской обороны и кабинет отменили принцип военного планирования, в соответствии о котором войны не следует ожидать в ближайшие десять лет, заменив его доктриной «ограниченного присутствия» британских вооруженных сил на континенте — разумеется, не с целью противопоставить их Франции. А в октябре 1932 г., при уходе в отставку с поста начальника имперского генштаба, лорд Милнер предостерег правительство о непосредственной опасности Германии защищенности государства.

Прокатившаяся по Германии волна враждебного национализма удостоверяли наихудшие страхи британцев.⁵⁹

Несмотря на произведенный приездом Макдональда и Саймона в Италию впечатлению, Великобритания была отнюдь не первой, а точнее заключительной стороной пакта, которая была ознакомлена с его содержанием. В отличие от Франции, она незамедлительно поддержала предложение Муссолини и сохранила расположение к нему на протяжении всего времени, пока длились переговоры, в отличие от Германии. Итак, Англия оказалась заинтересована в обсуждении «пакта четырех» не менее Германского правительства. Большинство советских авторов предполагали, что первоочередной причиной такого позитивного настроения Английского правительства относительно пакта «согласия и сотрудничества» было желание в формировании общего блока против страны Советов.⁶⁰

Женевская конференция по разоружению была близка к полному краху. Генеральная комиссия конференции по разоружению, занимавшаяся согласованием проектов, прервала свои работы. Перерывом воспользовался Муссолини и выступил с инициативой создания так называемого «пакта четырех» - нового политического органа с широкими полномочиями в рамках Версальско-Локарнской системы, в том числе и арбитра, ревизовавшего бы существовавшие на тот момент границы государств. «Утром 18 марта 1933 г. итальянское правительство вручило послам Англии, Франции и Германии проект «пакта согласия и сотрудничества между четырьмя западными державами», состоящий из шести статей. Он предполагал тесное сотрудничество четырех держав «во всех политических и неполитических, европейских и внеевропейских вопросах, а также в колониальной сфере». Это предложение подразумевало заключение соглашения о проведении политики

⁵⁹ Морозов С.В. Варшавская мелодия для Москвы и Праги: документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска польского и др. 1933-1939. С. 10

⁶⁰ Кен О.Н. Великобритания и происхождение пакта четырех 1933 г. – М.: Новая и новейшая история, 2003. 6 с.

сотрудничества и поддержания мира, в согласии с пактом Келлога и другими антивоенными пактами между Германией, Италией, Францией и Англией.

Второй пункт проекта, предложенного Муссолини, устанавливал возможность пересмотра мирных договоров «законными путями» согласно статье 19 устава Лиги наций. Третий пункт подтверждал равенство прав Германии в области вооружений. Остальные пункты требовали согласования политики четырёх держав во всех спорных международных вопросах в Европе и вне её. В случае провала конференции по разоружению за Германией признавалось право на равенство в вооружениях, которое она могла реализовать «постепенно». Такие же права получали Австрия, Венгрия и Болгария. Было заявлено, что договаривающиеся стороны берут на себя обязательство осуществлять в отношениях друг с другом политику эффективного сотрудничества с целью поддержания мира. Длительность действия договора предполагалось установить сроком на 10 лет; он подлежал регистрации в секретариате Лиги Наций.⁶¹

Деятельность итальянской дипломатии в начале 1933 г. была подчинена решению поставленной Муссолини сверхзадачи – достижения сближения с Англией, а с ее помощью и Францией, без утраты дружественного расположения нового германского режима. В ином случае диктатор не мог претендовать на повышение статуса Италии как арбитра Западной Европы, что составляло его главную цель. Поэтому на переговорах с немцами Муссолини излагал дело так, будто все его усилия направлены на присоединение Великобритании к «итало-германскому фронту».⁶²

«Пакт четырех» 1933 года явился главным международным событием на стыке послевоенной эпохи с предвоенной и отношение к нему могущественнейшей мировой державы позволяет лучше понять, как ее

⁶¹ Морозов С.В. Варшавская мелодия для Москвы и Праги: документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска польского и др. 1933-1939. С. 10

⁶² Кен О.Н. Указ. Соч. С. 3

собственную политику, так и существование планов сотрудничества западных государств.

Реакционные буржуазные исследователи стремятся затушевать антисоветскую направленность «пакта четырех», пытаются оправдать участие западных империалистических держав в переговорах о пакте.

«Пакт четырех» не только предусматривал ревизию Версальской системы, но и создавал угрозу национальной независимости малых стран Европы, поэтому против него резко выступили страны Малой Антанты и Польша. Огромную роль в провале пакта сыграла советская дипломатия, разоблачавшая его опасные последствия для дела мира.⁶³

Черчилль язвительно рекомендовал «достопочтенному Джентльмену» — Макдональду — заняться неотложными внутренними делами, предоставив руководство иностранными делами более опытными дипломатам. Пока же за неправильную внешнюю политику премьера Англии приходится расплачиваться Дороже, чем другим державам. Военные долги не урегулированы. Лондонский морской договор тормозит развитие английского флота. Женевская конференция по разоружению превратилась в длительный фарс, который нанёс тяжкий удар престижу Лиги наций. Давление на Францию в вопросе разоружения и пособничество перевооружению Германии могут привести не к миру, а к войне.

С особенной силой обрушился Черчилль на план, предоставляющий Германии равенство в вооружениях. Он заявлял, что не остается сомнений, что в момент достижения равенства Германии со своими соседями в вопросе военной мощи, возобновится всеевропейская война. И настаивать в такой момент на уменьшение Францией армии наполовину, в то время как Германия, наоборот, удваивает свою армию, было бы по меньшей мере несвоевременным. Черчилль предостерегал против дальнейшего сокращения вооружений как во Франции, так и в Англии — именно потому, что это

⁶³ Рябоконе С.И. Указ. Соч. С.164

означало бы разоружение перед лицом такого правительства, которое непременно нападёт на своих соседей, как только вооружится в марте 1933 г. польский маршал Пилсудский информировал французское правительство о том, что Германия в нарушение Версальского договора усиленно вооружается; немцы мечтают о реванше. Маршал предлагал принять меры против этой опасности, — одни лишь дипломатические представления Берлину не могут достигнуть цели. Пилсудский заявлял, что польские войска готовы в любой момент выступить против немцев, если Франция поддержит Польшу в случае польско-германского военного столкновения.⁶⁴

Решительное намерение Германии нарастить военный потенциал любой ценой, угроза санкциями со стороны Англии, растерянность на конференции в Женеве создали крайне напряжённую обстановку в Европе.

Американская дипломатия предприняла шаги по смягчению международной обстановки. 16 мая 1933 г. президент США Рузвельт выступил с посланием к главам всех государств на конференции по разоружению. Он констатировал неудачу конференции по разоружению и предложил сократить наступательные виды оружия. Также Рузвельт предложил всем народам заключить между собой договоры о ненападении.

19 мая 1933 г. от имени представителя Страны Советов с ответом на послание выступил т. Калинин, послав президенту США телеграмму, в которой полностью присоединился к его предложениям.

Делегат США Норман Дэвис, при обсуждении послания Рузвельта на конференции по разоружению объявил о готовности Соединенных Штатов не только сократить свои вооружения, но и участвовать во всех коллективных мероприятиях других держав в случае угрозы миру.

Для Франции принятие пакта четырех значило отступление от её традиционной политики, орудием которой была Лига наций. Отныне хозяевами Европы должны были стать четыре великие державы,

⁶⁴ Потемкин В.П. Указ. Соч. С. 190

объединяющиеся в «директорию», что делало существование Лиги наций бессмысленным. Пакт четырёх игнорировал и СССР, что означало возвращение четырёх крупнейших европейских держав к политике изоляции Страны Советов. Такие условия делали создание устойчивых международных отношений в Европе явно невозможным.

На Международной экономической и финансовой конференции в Лондоне 12 июня 1933 г. германский министр хозяйства Гугенберг выступил с меморандумом, содержащим перечень мероприятий, якобы необходимых для «преодоления экономического кризиса». Гугенберг настаивал на урегулировании международной задолженности, на возвращении Германии колоний в Африке и на предоставлении «лишённому территории» немецкому народу новых земель на Востоке.

Вся международная пресса отразила выступление Гугенберга как призыв к «крестовому походу» против Советского Союза с целью захвата советских территорий.

Во время Лондонской экономической конференции советская делегация предложила всем государственным деятелям, собравшимся на эту конференцию, подписать соглашение об определении агрессии. Конвенцию об определении агрессора подписали 3 июля 1933 г. Афганистан, Эстония, Латвия, Иран, Польша, Турция и СССР. 4 июля такое же соглашение, но с некоторыми дополнительными статьями, подписали и страны Малой Антанты. 5 июля было подписано соглашение между СССР и Литвой. Финляндия присоединилась к нему впоследствии, но с некоторыми оговорками.⁶⁵

Французская дипломатия правильно определила новую международную обстановку. Руководители внешней политики Франции начали недвусмысленно проявлять желание установить с Советским Союзом более тесное политическое сотрудничество. Начались оживлённые переговоры.

⁶⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. – М.: Госполитиздат, 1970. С. 6-8

Вскоре слухи о них дошли и до Рима. Муссолини был встревожен. Он ещё не забыл о своих планах — в противовес господству в Европе бывших союзников, хозяев Лиги наций, опереться на экономическую мощь и на политическое влияние Страны Советов. Он уже сознавал, какую опасность для южного Тироля, итальянской Адриатики, интересов Италии на Балканском полуострове, в придунайских странах, на Ближнем Востоке может представить всё возрастающая сила агрессивной Германии. Летом 1933 г. через советского посла в Риме Муссолини поставил перед Москвой вопрос о заключении советско-итальянского политического договора. Предложение Муссолини было принято. После непродолжительных переговоров, 2 сентября 1933 г., в Риме был подписан советско-итальянский пакт о дружбе, ненападении и нейтралитете. По существу, этот договор ничем не отличался от других пактов о ненападении и нейтралитете, которые уже были заключены советской дипломатией с целым рядом государств. Особенностью пакта 2 сентября 1933 г. было лишь наименование его договором о дружбе. Характерно, что это добавление было внесено в итало-советский договор по специальной просьбе Муссолини. То было лишним доказательством, какое значение в своей дипломатической игре придавал Муссолини советской карте. При помощи её он рассчитывал поднять международный удельный вес Италии. В эти годы ей приходилось оглядываться и на возрастающую мощь гитлеровской Германии, и на западного соседа — Францию, с которой у фашистской Италии происходили острые трения, и на Англию, всегда внушавшую итальянской дипломатии смешанное чувство раболепия, страха и неприязни. Вполне вероятно, что заключением итало-советского пакта о дружбе, ненападении и нейтралитете Муссолини надеялся вызвать неудовольствие французской дипломатии против Советского Союза и помешать франко-советскому сближению.⁶⁶

⁶⁶ Сейерс М., Кан А. Указ. Соч. С. 328

Между тем поведение Германии становилось всё более вызывающим. 15 сентября 1933 г. барон фон Нейрат решительно потребовал, чтобы конференция по разоружению признала равноправие Германии. В противном случае «неизбежен провал идеи разоружения со всеми трагическими последствиями». Однако Франция — за время трёхмесячного перерыва работ конференции — пришла к выводу, что при быстром вооружении Германии вообще нет смысла рассматривать мероприятия по разоружению. Французская делегация предложила утвердить вооружения на достигнутом уровне и отказаться в течение четырёх-пяти лет как от разоружения, так и от довооружения. При этом французы настаивали на принятии системы санкций в отношении нарушителей предлагаемого постановления.

Англия и Италия отказались поддержать французское предложение. Но американский представитель Норман Дэвис энергично выступил на его защиту. Соглашение, наконец, было достигнуто. 24 сентября 1933 г., на собрании Лиги наций, барону фон Нейрату от имени четырёх держав — Англии, Франции, Италии и США — был предложен проект нового договора. Он устанавливал два этапа разоружения: первый — период стабилизации от трёх до четырёх лет, в течение которого Германия должна была заменить свою систему долгосрочной службы — краткосрочной; второй этап — тоже от трёх до четырёх лет, в течение которого должно быть проведено фактическое разоружение.

6 октября 1933 г. германское правительство обратилось к английскому и итальянскому правительствам с нотой, в которой заявляло, что принятие предложений четырёх держав означало бы дискриминацию, на которую Германия не может согласиться: «Германия желает получить либо полную свободу, либо подвергнуться таким же качественным ограничениям, как и другие страны».

Через несколько дней, 19 октября 1933 г., германский министр иностранных дел послал генеральному секретарю Лиги наций короткую телеграмму: «От имени германского правительства имею честь настоящим

сообщить вам, что Германия заявляет о своём выходе из Лиги наций, согласно пункту 3 статьи 1 устава». ⁶⁷

Уход Германии с конференции по разоружению и её заявление о выходе из Лиги наций означали новый этап не только в политике Германии, но и в дальнейшем развитии международных отношений. Период пацифистских конференций, переговоров и соглашений закончился. Фашистская Германия создавала очаг войны в самом центре Европы.

⁶⁷ История дипломатии. / Под ред. Потемкин В.П. Указ. Соч. С. 530-561

Глава 2. Действия Японии, послужившие толчком для создания Советским Союзом коллективной безопасности

2.1. Проекты СССР и Франции по созданию системы коллективной безопасности

Правительство страны Советов не прекращало собственные усилия борьбы за создание коллективной безопасности вопреки сложившейся международной обстановке. Применяя всевозможные поводы, СССР выступало с предложением к представителям европейских государств с всяческим предложениями в том числе и уступками. Советский Союз был даже согласен признать, в обусловленных обстоятельствах, иностранные долги, только б остановить интервенцию. Представители Совета ССР сообщили, что Советский Союз согласен незамедлительно начать выплаты процентов в соответствии со старыми займами, и кроме того, предоставить в распоряжение ряд концессий странам или капиталистам. Уже после данного, представители СССР рекомендовали привнести в соглашение, которое базировалось бы на взаимной основе, обязанность воздержания от пропаганды. Кроме того, оно дало согласие обсудить территориальные уступки, невзирая на собственные военные преимущества.

«Российская делегация, — сообщал советский представитель, — намерена в течение дальнейших работ конференции предложить всеобщее сокращение вооружений и поддержать всякие предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма, при условии сокращения армий всех государств и дополнения правил войны полным запрещением её наиболее варварских форм, как ядовитых газов, воздушной вооружённой борьбы и других, в особенности же применения средств разрушения, направленных против мирного населения».⁶⁸

Равно как полагает советская делегация, формирование подобного всеобщего мира возможно реализовать при поддержке всемирного конгресса,

⁶⁸ Документы внешней политики СССР. Т. V. – М.: Госполитиздат, 1961. С. 110

созванным на базе абсолютного равноправия народов, а также необходимо признать за ними всеми полномочия распоряжаться собственной судьбой. Необходимо будет, чтобы вышеупомянутый Всемирный конгресс определил ряд комиссий, кое смогли бы подготовить план экономического восстановления мира. Продуктивность работы данного конгресса находится в зависимости от участия в ней рабочих учреждений. Более того, правительство Советского Союза внес предложение в качестве отправной точки расценивать ранние соглашения государств, с внесением в них требуемых поправок, и, безусловно, с пересмотром устава Лиги наций, дабы сформировать на основе данной организации реальный альянс народов, в котором не было бы как доминирования тех или иных держав над другими, так и деления на побежденных и победителей.

«Считаю нужным, — высказывал Чичерин, — подчеркнуть ещё раз, что как коммунисты мы, естественно, не питаем особых иллюзий насчёт возможности действительного устранения причин, порождающих войну и экономические кризисы при нынешнем общем порядке вещей, но, тем не менее, мы готовы со своей стороны принять участие в общей работе в интересах как России, так и всей Европы и в интересах десятков миллионов людей, подверженных непосильным лишениям и страданиям, вытекающим из хозяйственного неустройства, и поддержать все попытки, направленные хотя бы к паллиативному улучшению мирового хозяйства, к устранению угрозы новых войн».⁶⁹

Очевидно, что большая часть делегации, в ответ на масштабную миролюбивый план представителей Советского Союза, предпочла бы ограничиться безмолвием. Однако, несдержанные высказывания Барту подчеркнуло особую важность тех пунктов, которые предложили делегаты СССР. Таким образом, он непроизвольно оказал содействие их популяризации. В собственном выступлении Ллойд Джордж безуспешно

⁶⁹ Там же 112-113 с.

старался развеять такой эффект. Он высказал, что по старости лет маловероятно, что доживёт вплоть до всемирного конгресса; по этой причине он предлагает Чичерину отступить от собственного предложения.

Заместитель народного комиссара иностранных дел Литвинов 23 ноября 1925 г. обратился к представителям иностранной печати с сообщением об взгляде Советского Союза на деятельность Лиги наций.

«От того, что в неё (Лигу) вступает сейчас Германия, страна побеждённая и в военном отношении слабая, — гласило заявление, — не изменится характер Лиги, в которой некоторые державы рассчитывают лишь использовать Германию как сотрудницу в осуществлении своих планов вообще и вражеских замыслов против Союза ССР в частности.

Советское правительство больше, чем какое-либо другое правительство, заинтересовано в упрочении мира на основе независимости и самоопределения всех народов. С этой точки зрения оно приветствовало бы создание международной организации, в которой и через которую каждый народ мог бы осуществлять национальные суверенные права, и все народы могли бы улаживать возникающие между ними трения мирным путём. Но советское правительство меньше всего рассматривает существующую Лигу наций как приближение к такой организации. Лига наций до сих пор ни в малейшей степени не оправдала тех ожиданий, тех надежд, которые на неё возлагались сторонниками её...».⁷⁰

Вне всяких сомнений, что страны-победительницы преследовали антисоветские цели. Свидетельством этого были и новые враждебные Советскому Союзу провокации. Было произведено нападение на дипломатических курьеров Союза ССР на территории Латвии 5 февраля 1926 г.

В итоге правительства Латвии, Эстонии и Финляндии 5 мая 1926 г. в одинаковых по содержанию меморандумах предоставили крайне

⁷⁰ История дипломатии. / Под ред. Потемкин В.П. Указ. Соч. С. 383

неопределённый ответ на советские предложения; в тот же период державы предоставили несколько требований, которые очевидно были бы неприемлемы для Советского Союза.

Агрессивные стремления немцев сформировали настоящую угрозу для всех стран Восточной и Северо-Восточной Европы. Страна Советов считала как собственное обязательство поспособствовать укреплению их защищенности, более того, если опасность грозила им со стороны Германии то, это было опасностью и для Москвы. Советский Союз отослал правительству Польши 14 декабря 1933 г. проект коллективной декларации. Эта декларация подразумевала, что обе страны заявили «об их непоколебимом и решительном намерении защищать и охранять мир на востоке Европы», совместно защищать «абсолютную экономическую и политическую независимость и неприкосновенность государств... выделившихся из состава бывшей Российской империи...». Подобным способом, Москва протянула Польше дружескую руку, предлагая общие мероприятия по обеспечению безопасности и мира.⁷¹

Ответом на предложение Москвы было сообщение, суть которого заключалась в том, что Польша «полагает принципиально допустимым создать эту декларацию при оптимальных условиях». Сообщение было лицемерным. К тому моменту Варшава уже сделала выбор: она отдала предпочтение перспективе становления на путь противосоветского сговора с Берлином, чья внешняя политика несла большую угрозу для независимости польского государства.⁷²

Однако, по той причине, что СССР обратился к Латвии, Финляндии, Литве и Эстонии с предложением подписать с каждой из вышеперечисленных государств пакт о ненападении, представители Польши предложили заключить единый гарантийное соглашение между Советским Союзом, с

⁷¹ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. С. 746-747

⁷² Морозов С.В. Польша и восточный пакт // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 80-84.

одной стороны, и Эстонией, Латвией, Польшей и Финляндией — с другой. Обсуждение данного договора предполагалось осуществлять совместно, «за круглым столом».⁷³

Рассмотрение вопросов безопасности были первоочередными на второй сессии Международной конференции по разоружению, проходившей в 1933 г. с февраля по июль. Однако обсуждения этих вопросов проходили безрезультатно и абсолютно никаких четких заключений не было предложено. Более того, ни один из всех предложенных планов по разоружению не было принято.

Вызывающие шаги Английской дипломатии не пошатнули жесткого стремления дипломатии Советского Союза достигать претворения в жизнь декларации об определении агрессии. Москва решила подписать такие соглашения с иным державами. Советский Союз заключил конвенции об определении агрессии с Финляндией, Ираном, Латвией, Афганистаном, Литвой, Чехословакией, Польшей, Румынией, Турцией, Эстонией, Югославией в 1933 - 1934 гг. С этого момента его, можно сказать, придерживается международное право, несмотря на то, что официально его приняли лишь некоторые страны.

Стремление сформировать некий противовес «пакту четырёх» стала новой задачей Советской дипломатии, существенно повысившее значимость СССР на международной арене.

В этот период, агрессивные шаги гитлеровских представителей вызывали нарастающее волнение французской общественности, осознающей, что планы немецких милитаристов таят в себе огромную угрозу безопасности Франции. Определённые деятели Французского правительства настаивали на упрочнении взаимоотношений с СССР - передовой мирной мощью, которая направляла свою внешнюю политику на то, чтобы создать миролюбивый противовес планам Германии.

⁷³ История дипломатии. / Под ред. Потемкин В.П. Указ. соч. С. 393

Сторонниками данной направленности стали бывший французский премьер Э. Эррио, министр авиации П. Кот, а также, в ее сторону склонялся, и министр иностранных дел Ж. Поль-Бонкур.

Концепция расширить советско-французское соглашение о ненападении обязательствами обоюдной взаимоподдержки в качестве противопоставления враждебности стали вырисовываться в разговорах М. М. Литвинова и полпреда СССР во Франции В. С. Довгалева с Поль-Бонкуром.⁷⁴

Между Поль-Бонкуром и Довгалевым состоялась немаловажная беседа 28 декабря 1933 г. Беседы были обнадеживающими, несмотря на то, что французский министр иностранных дел был согласен с советскими предложениями не абсолютно во всем. Создавалось впечатление, Франция и Советский Союз могли бы стать на путь совместных мер защиты мира. Поль-Бонкур во время переговоров объявил представителю СССР: «Мы с вами приступаем к великой важности делу, мы с вами начали сегодня делать историю».⁷⁵

Однако за всем произнесенными речами не последовало соответствующих шагов. По инициативе правительства Франции обсуждения соглашения о взаимопомощи отложили на четыре месяца. Задержка никак не могла быть случайной. Направление на советско-французскую совместную работу против агрессии столкнулось с противоположной направленностью - противосоветского объединения с нацистами, который оживленно поддерживали политические деятели и дипломаты Франции, сопряженные с крупными химическими и металлургическими монополиями, кои были заинтересованы в крупной прибыли от перевооружения Берлина и следовали противосоветским настроениям.

Дипломаты Франции весь этот период, а в первую очередь, посол в Германии А. Франсуа-Понсэ, пытались распознать, какова вероятность

⁷⁴ Документы внешней политики СССР. Т. XVIII С. 109

⁷⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. С. 772-774

сотрудничества с Берлином. Посол еще до этого дважды посетил Гитлера: 24 ноября и 11 декабря 1933 г. Гитлер рассказал своему собеседнику планы захватнической войны против Советского Союза. Он также не утаил и собственных стремлений закрепить преимущество в Европе Германии.⁷⁶

Политические деятели Франции уже к апрелю 1934 г. осознали утопичность собственных ожиданий вступить в заговор с гитлеровской Германией и посредством этого устранить опасность, исходящую от немцев. Представитель Франции Л. Барту 20 апреля 1934 г. объявил временному поверенному в делах Советского Союза о том, что Франция желает возобновить обсуждение пакта и продолжить переговоры в духе позиции Поль-Бонкура. Отразилось, бесспорно, воздействие Барту и министра нового кабинета Э. Эррио. Они считались приверженцами классической политики Франции, опасавшейся восстановления военного и индустриального потенциала немецкого государства, тем более, под руководством фашистов, и не питающей доверия английскому курсу в политике «баланса сил» с ее постоянным рвением манипулировать германо-французскими противоречиями. Полагая крайне важным осуществление независимой политической деятельности, которая отвечала бы государственным интересам Парижа, министр иностранных дел, Барту, взял курс на сплочение с старшой Советов. Однако, приняв такое решение, Барту совсем не желал отступить от концепции взаимных отношений держав Западной Европы, которая была сформулирована и закреплена Локарнскими соглашениями в 1925 г. Поэтому он проинформировал других участников этих соглашений о проведении переговоров с Москвой.⁷⁷

Беседы, которые имели место быть с мая по июнь в 1934 г. между представителями Франции и СССР, имели значимую роль. В этих беседах

⁷⁶ Случ С.З. Германо-советские отношения в 1918–1941 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Славяноведение. 1966. №3. С. 106

⁷⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XVII. – М.: Госполитиздат, 1971. С. 279-280

детально проанализированы предложения Франции, которые отражали двоякий курс Парижа: с одной стороны, на сплочение с Москвой, а с другой - поддержка концепции локарнских договоренностей. Демонстрируя гибкость советской дипломатии, делегаты Советского Союза отыскивали возможность комбинирования двух задач внешней политики Франции. Взамен одного соглашения нескольких государств, был предложен франко-советский проект подписания двух соглашений. Планировалось, что первичное соглашение, именуемый «Восточный пакт», включит страны Восточной Европы, и кроме того, Германию. Члены договора обоюдно обязуются гарантировать нерушимость границ и оказывать поддержку государству, которое подвергнется атаке с чьей-либо стороны. Другое соглашение - между Парижем и Москвой – включит в себя договоренность о взаимопомощи, направленной против агрессии. Советская Россия возложит на себя обязательства в отношении французского государства, как если бы она была участницей локарнской системы, а Париж принимает обязательства в отношении Москвы, как если бы он принимал участие в Восточном пакте. Также планировалось вступление Советского Союза в Лигу наций.

Дипломатия Советского Союза полагала, что, так как обязательства, налагаемые СССР, легли бы и на Германию, было бы целесообразно, если бы германское государство приняло участие в Восточном пакте. Стремление Франции заинтересовать прибалтийские страны принять участие в СССР было всесторонне поддержано.

Предотвращение противосоветского ориентира Локарнских соглашений, и его трансформация в договор мира могло бы иметь огромную положительную роль. Всецело суть Восточного пакта базировалась на советской мощи — верного блюстителя мира. Осознавая это и обосновывая действительность проекта, Барту заявлял: «Наши малые союзники в центре

Европы должны быть готовы расценивать Россию в качестве опоры против Германии...». ⁷⁸

Всесторонне проявляя поддержку противосоветским целям гитлеровской Германии, Лондон не одобрил идею Восточного пакта. Однако представители английского правительства не желали действовать в открытую. В следствие этого, министр иностранных дел Саймон, в период переговоров в Лондоне 9-10 июля 1934 г. с министром иностранных дел Барту объявил, о готовности Великобритании посодействовать предложению о данном договоре, но только при определенных оговорках. Одной такой оговоркой Саймон назвал соглашение французского правительства в том, что Германия имеет право на наращивание военной мощи, говоря другими словами, он пустил в ход аргумент, ранее уже предъявленное правительством Германии. Министр иностранных дел Франции протестовал против попыток изменить суть Восточного пакта в пользу агрессоров. В следствии этого, Барту позволил себе пригрозить министру иностранных дел Великобритании, что Париж имеет все шансы начать политику сближения с Москвой, даже без Восточного пакта. Несмотря на это, Барту пришлось пойти на уступки и, подводя итоги франко-английских переговоров в коммюнике, упомянуть что обе державы дают согласие на восстановление «обсуждений о заключении конвенции, позволяющей в сфере вооружений разумное применение в отношении Германского государства принципа равенства в условиях безопасности абсолютно всех наций». ⁷⁹

В скором времени правительство Великобритании заявило таким государствам, как Германия, Польша и Италия, об оказании содействия проекту Восточного пакта. А Германии сообщалось в дополнении, что ее условие о «равенстве в правах» в сфере наращивания военного потенциала будет удовлетворено в полной мере.

⁷⁸ Там же 281 с.

⁷⁹ Богатуров А.Д. Указ. Соч. 1207

Результатом стал ответ правительства Германии, выражающий недовольство франко-английского предложения. В следствие этого, Германия заявила, что не станет принимать участие в том или ином международном союзе, подразумевающим коллективную безопасность до той самой поры, пока иные государства не перестанут отрицать право Германии на равенство в области вооружения. Таким образом обосновывался официальный отказ от подписания Восточного пакта, заключавшийся в меморандуме правительства Германии от 8 сентября 1934 г. Прошло меньше трех недель спустя вышеупомянутого заявления, как Варшава уведомила о собственном отказе.⁸⁰

Советская Россия приняла решение стать членом Лиги наций, преследуя интересы создания коллективной безопасности. Подобное решение никак не могло означать тех или иных перемен во внешнеполитическом курсе Советского Союза. основах советской внешней политики, а представлял лишь дальнейшее их развитие в новой исторической обстановке. Советская внешняя политика, проявляя необходимую гибкость, добивалась своей главной цели - создания в Европе системы коллективной безопасности как залога сохранения мира.

В ситуации возгорания очагов мировой войны Лига наций в некотором смысле теряла былую функцию орудия противосоветской политической деятельности. Теперь появилась вероятность, что она начнет выступать в качестве преграды для инициаторов военных настроений. Наличие такого рода преграды стало еще более очевидным, после того, как Япония и Германия вышли из состава Лиги наций.

Инициатива призвать Союз ССР в Лигу наций была поддержана 30 странами. После обращения к СССР с предложением о вступлении в данную организацию и привнести в неё свое важное сотрудничество в борьбе за сохранение мира на международной арене. 18 сентября 1934 г. Советский

⁸⁰ Егоров А.И. Указ. Соч. С. 2014. 204

Союз вступил в Лигу наций, объявив, что, невзирая на все ее несовершенства, эта организация имеет возможность в той или иной мере воспрепятствовать созреванию мероприятий, ведущих к второй мировой войне. В своем первом докладе на пленарном заседании Лиги наций представитель Советского Союза подчеркивал, что Советское государство никак не несет ответственности за деяния и заключения Лиги, установленные до становления СССР членом этой международной организации. Политический деятель США С. Уэллес писал: «Когда Советский Союз вступил в Лигу наций, даже самым непреклонным придется признать, что он представляет собой единственную великую державу, принимающую Лигу всерьез».⁸¹

Достижения политики Москвы были неоспоримы. Все наибольшую значимость в международной деятельности приобретало сплочение Франции и Советского Союза.

Берлин принял решение обратиться к своему любимейшему способу, которым они часто использовались как во внутренней, так и во внешнеполитической деятельности, - к террору. волна насилий пронеслась по всей Европе. Согласно условиям фашистской Германии большинство политических деятелей европейских стран были либо отстранены, либо убиты.

Министр иностранных дел Франции, Барту, стал одним из того числа, павших жертвами военно-политической фашистской машины. Прекрасно осознавая тот факт, что его жизнь под опасностью, Барту храбро продолжал осуществлять свой политический курс.

Выполнение задачи устранения Барту, организованной Гитлером и созданной разведкой Геринга, доверялось помощнику немецкого военного атташе в Париже, Г. Шпейделю, непосредственно связанного с французскими ультраправыми. А. Павелич - одного из лидеров реакционной террористической организации хорватских националистов, пребывавшего в

⁸¹ Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 590

подчинении у немцев, был выбран Шпейделем в качестве главного инициатора этого деяния. Основательно разработанный замысел, именуемый «Меч тевтонов», был реализован 9 октября 1934 г. в Марселе. Убийца, В. Георгиев, без каких-либо препятствий, выстрелами в упор сразил югославского короля Александра, который прибыл в Французское государство с официальным визитом, и ранил в руку министр иностранных дел Франции. Ему вовремя не оказали срочной медицинской помощи, в следствии чего, Барту умер от потери крови.⁸²

Немцы имели достоверные сведения, в кого целились: был убит наиболее ярый приверженец концепции коллективной безопасности из всех буржуазных политических деятелей. «Кто может знать, - 11 октября 1934 г. писало немецкое периодическое издание, - какие средства попытался бы пустить в ход этот старик с сильной волей... Однако костлявая рука смерти очутилась сильнее дипломатической воли Барту. Гибель пришла в необходимый период и оборвала все нити».

Произошедшая после убийства министра иностранных дел Франции новая замена в составе кабинета министров ослабили круг приверженцев государственной внешнеполитической деятельности во Франции. П. Лаваль получил должность министра иностранных дел. Он был одним из наиболее скверных изменников государства, какие действительно завоевали ярлык «могильщиков Франции». Лаваль относился к той части правящих слоев государства, которая была явно настроена против сближения с Советским Союзом. Приверженец противосоветского заговора с фашистским правительством, Лаваль установил основной целью захоронить план Восточного пакта, отступить от сплочения отношений между Францией и СССР и приступить к сближению с Германией.⁸³ Новый министр иностранных дел Франции предложил проект, который ему продиктовали крупные монополии: подписать соглашение лишь с двумя державами, а

⁸² Морозов С.В. Польша и восточный пакт. С. 81

⁸³ Там же.

именно – с Польшей и Германией. Данный проект целиком устраивал правительства Польши и Германии. Между тем, внешняя политика Советской России, которая пользовалась растущим престижем в числе прогрессивных сил французского государства, была серьезным препятствием для осуществления этого проекта.⁸⁴

Борьба Советского Союза за создание системы коллективной безопасности обладала существенной значимостью. Огромное достоинство Коммунистической партии и правительства СССР заключается в том, что еще в тот период, когда империализм деятельности уже был создан настоящий, детально разработанный, имеющий веские доводы проект сплочения мира и поддержания его безопасности. И вопреки тому, что для реализации этого плана, ресурсы, брошенные на поддержание мира, были недостаточными, проект Советской России о коллективной безопасности выполнил собственную функцию. Этот план вселял в массы уверенность в реальности одержания победы над агрессией посредством совместных усилий. Концепция коллективной безопасности заключала в себе плод будущих побед вольнолюбивых народов над фашистскими поработителями.

Концепция СССР встречалась с всё нарастающей поддержкой трудящихся масс, классовое сознание которых предоставляло им шанс лучше, многоопытных буржуазных деятелей, предугадать последующий процесс происшествий. Заручаясь такой поддержкой, страна Советов не прекращала борьбу за безопасность с неиссякаемым вдохновением.⁸⁵

После того, как Лаваль взошел на пост французского министра иностранных дел, представители СССР не прекратили сотрудничество с Францией и попытки создания коллективной безопасности. Представители Советского Союза во Франции — В. С. Довгалецкий, а потом и В. П. Потемкин — организовывали встречи каждую неделю, снова и снова дискутируя на тему о заключении Восточного пакта. Лаваль изумлял

⁸⁴ Там же. С. 82

⁸⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. С. 659

собственной циничной откровенностью даже опытейших представителей СССР. Лаваль без каких-либо церемоний объявил, что не станет утаивать своего стремления достичь германо-французского сплочения уже во время первых бесед с советскими делегатами. Дальнейшие беседы были полны аналогичными формулировками министра иностранных дел Франции.⁸⁶

Однако, те круги, к которым относился и Лаваль были вынуждены принимать во внимание ту большую популярность, какую в народных массах французского государства обрела концепция объединённой с Советской Россией борьбы за безопасность. Дипломатия СССР в данной борьбе также делала акцент на крупное патриотическое движение, выступавшее против войны, за сохранность государственной независимости, которое охватило целое французское государство. Она отвергла основной аргумент всех, кто был против создания Восточного пакта, все, кто утверждал, что его подписание нецелесообразно, так как Берлин и Варшава оказались против подписания данного пакта. Советская Россия решила достичь подписания данного договора при каком бы то ни было составе его участников, даже если в конечном счете его подпишут только Москва и Париж. Непосредственно такого рода такой аспект диктовала действительная ситуация, сложившаяся на международной арене.⁸⁷

С целью наискорейшего подписания соглашения следовало помешать рвению монополий, кругу интересов к которым относился Лаваль, сплочиться с фашистским правительством. СССР сделало представителям Франции предложение заключить обоюдные обязанности, подразумевавшие воздержание от заключения каких бы то ни было политических с Берлином без заблаговременного предупреждения об этом другой стороны о всевозможных встречах и беседах подобного характера. СССР также упомянуло о предложении Берлина правительству СССР подписать Восточный пакт без принятия в нем участия Чехословакии и Франции.

⁸⁶ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. С. 710

⁸⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 648

5 декабря 1934 г. был подписан протокол, основой которого стали обоюдные соглашения и обязанности, ранее предложенные Советским Союзом. К вышеупомянутому договору позднее примкнула и Чехословакия.

28 января 1935 г. т. Молотов, в докладе на VII съезде Советов сделал акцент на то, что инициатива Советского Союза в вопросе о конвенции, имела огромную значимость и дала определение нападающей стороны (агрессора). «Большое значение получило предложение СССР об определении агрессора (нападающей стороны), — говорил т. Молотов. — На международных конференциях и в ряде международных договоров можно встретить указания на необходимость особых мер против нападающей стороны, против государства-агрессора, развязывающего войну. Но, несмотря на это, правительства буржуазных стран не проявляли охоты ясно сказать, кого же надо считать нападающей стороной, т. е. страной, ответственной за начало войны. Пришлось за это дело взяться советской дипломатии, особенно заинтересованной в охране мира и в мерах против военных нападений. Советская дипломатия с честью выполнила и эту задачу».⁸⁸

В феврале 1935 г. Лаваль, не прекращая свои попытки противостоять Восточному пакту, прибыл в столицу Англии. Результатом англо-французских диалогов стало опубликованное коммюнике, заключавшее в себе проект «всеобщего урегулирования» обстоятельств, возникающих на международной арене. Его суть сводилась к тому, чтобы соединить реализацию Восточного пакта с разрешением прочих проблем, включая и вопрос о разоружении. По возвращению в Париж, французский министр иностранных дел объявил советскому представителю о то, что впредь он «не намерен выделять Восточный пакт в качестве независимой и первостепенной акции».

СССР, во имя интересов общей безопасности применила всевозможные попытки воспрепятствовать такому соглашению и освободить дорогу для реализации Восточного пакта. Представитель Советского Союза в

⁸⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. — М.: Госполитиздат, 1963. С. 39-43

Великобритании неоднократно виделся с Д. Саймоном, английским министром иностранных дел и его заместителем Р. Ванситтартом, а также с лордом хранителем печати А. Иденом, прежде заместителем министра иностранных дел. Однако, выяснилось, что убедить политических деятелей Англии отказаться от двуличного пособничества немецкому правительству было неосуществимым. Это подтвердилось и тем, что Саймон и Иден побывали в марте 1935 г. в Берлине.

29 марта состоялась встреча представителей СССР и Идена. Английский представитель попытался уверить советских дипломатов в бессмысленности создания Восточного пакта, более того, признания права на вооружение немецкого правительства не несет какой-либо опасности. Иден также поставил вопрос: не полагает ли Советский Союз, что «допустимо уполномочить на определенной степени вооружения Германии, в частности вооружения так называемыми агрессивными видами оружия». Представители Советского Союза ответили на это, что Советская Россия не прекратит борьбу против права наращивания военного потенциала Германией, сформулировав абсолютно ясно: «Мы не имеем возможности закрыть глаза на тот факт, что Германия вооружается в целях нападения, что означает, на данный момент мы обязаны принять меры к тому, чтобы воспрепятствовать Германии вооружиться». Иден высказал протест: в Великобритании «не так уверены во враждебности Берлина, как в Советском Союзе». СССР намекнуло, что главное, чтобы Великобритании не пришлось бы удостовериться в обратном.⁸⁹

В абсолютно всех переговорах с Иденом дипломаты Советского Союза обращали внимание на то, что Восточный пакт обоюдной поддержки был бы действительным залогом безопасности и мира. Английский представитель, которого в Германии убеждали в том, что суть Восточного пакта - «окружить» Германию, задал вопрос, думают ли представители страны Советов реальным принятием Германией участия в данном проекте. И. В. Сталин заявил: «Мы не

⁸⁹Там же. С. 1963. 246

желаем никого окружать. Мы не стремимся к изоляции Германии. Напротив, мы желаем существовать с Германией в дружеских взаимоотношениях... Столь великий народ, как немцы, должны были вырваться из цепей Версаля. Но формы и условия данного освобождения от Версаля такие, что могут вызвать у нас серьезную тревогу, и для того, чтобы предупредить возможность каких-либо неприятных осложнений, на данный момент необходима известная гарантия. Такой гарантией является Восточный пакт взаимной помощи, разумеется, с Германией, если к тому имеется какая-либо возможность».

Иден был вынужден пойти на некоторые уступки под давлением такой аргументации Советского Союза. В официальном коммюнике об итогах переговоров было объявлено, что в «современной ситуации на международной арене наиболее, чем какой-либо другой момент, не следует прекращать действия, направленные на формирование системы коллективной безопасности в Европе». Однако, после возвращения в Великобританию, Иден успел пожалеть о том, что «дал согласие на чрезмерно обязывающую формулу» сообщения.

В то время, пока Иен был в Москве, Советский Союз предпринял значимый шаг в фактической реализации концепции коллективной безопасности. Лавалю было официально предложено подписать советско-чехословацко-французский пакт об обоюдной помощи против агрессии в 1935 г. 29 марта. Министр иностранных дел Франции очутился среди двух огней: борьба приверженцев и противников коллективной безопасности стала невероятно обострённой. Вопреки всему, противники создания коллективной безопасности преобладали в этой борьбе.⁹⁰

Беседы о подписании соглашения о взаимопомощи заступили на фактическую стадию. Министерство иностранных дел Франции попыталось продвинуть план соглашения, способного свести на нет обязанности

⁹⁰ Там же. С. 248-251

обоюдной взаимопомощи. Франция предложила добавить в содержание некое уточнение, в соответствии с коим реализация обязательств подчинялась заключению по этому поводу Совета Лиги наций. Кроме всего прочего, подобное заключение не имеет возможности быть принятым в скором времени, так как Франция и Англия, имея в своем распоряжении большинство голосов в Лиге наций, каждый раз могли бы прервать неприемлемое для них соглашение.

Внешнеполитическая деятельность Советской России взяла инициативу в свои руки. Лаваль получил советский проект договора 15 апреля 1935 г. Франция предоставила другой проект. Обе стороны всё же достигли необходимого компромисса в дальнейших обсуждениях. СССР отстоял предложенные им главные концепции соглашения о взаимопомощи.

Франко-советский пакт о взаимопомощи противопоставленный агрессии был подписан в Париже 2 мая 1935 г. Во второй статье данного пакта обговаривалось, что, при условии, если советская или французская сторона окажутся, «вопреки искреннему стремлению преследовать мирные намерения обеими государствами, предметом не вызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, французская сторона и взаимно советская окажут друг другу незамедлительную поддержку и помощь». В то же время был заключен протокол подписания, рассматривавший абсолютно категорическое условие представителей Франции: обязательства обеих держав обязаны считаться с заключением Совета Лиги наций. Но в пункте 1 протокола указывалось: «...обе договаривающиеся стороны будут действовать согласно, с целью достигнуть того, чтобы Совет вынес свои рекомендации со всей скоростью, которой потребуют обстоятельства, и что если, несмотря на это, Совет не вынесет, по той или иной причине, никакой рекомендации, и если он не достигнет единогласия, то обязательство помощи тем не менее будет

выполнено». Последние фразы придавали обязательствам соглашения тот бесспорный характер, на которое всегда требовало правительство СССР.⁹¹

В заключении советско-французского соглашения важное место заняла прогрессивная общественность французского государства, которая усматривала в нем реальный путь к спасению государства от немецкой враждебности. В проекте Народного фронта, сформированной по инициативе коммунистической партии Франции, заключалось условие формирования в Европе системы соглашений, укреплявших безопасность на международной арене.

На встрече, которая состоялась в столице Советской России было достигнуто соглашение в том, что переговоры о подписании многостороннего Восточного пакта продолжатся. Затрагивая советско-французских взаимоотношений на новой стадии их становления, СССР абсолютно твердо решил о необходимости дополнений в договоре, а именно конкретных обязательствах и подписании надлежавшей военной конвенции.

Утверждение франко-советского соглашения сознательно затягивалось. В соответствии с конституцией Франции, этот договор мог быть утвержден постановлением президента республики. Однако, он был вынесен на рассмотрение парламента, продолжавшееся десять месяцев и завершившееся только после того, как подал в отставку Лаваль.

Договор был ратифицирован палатой депутатов лишь 27 февраля 1936 г. За ратификацию проголосовало 353 депутата, а против — 164, 100 депутатов воздержались.

Праге 16 мая 1935 г. был подписан чехословацко-советский пакт о взаимопомощи, который включал в себя обязательства, что и француско-советский договор. Для Коммунистической партии Чехословакии, которая каждый раз разъясняла народу то, что лишь сотрудничество с Советской Россией может стать реальной гарантией национальной независимости и

⁹¹ Там же. С. 309-312

самостоятельности государства, ратификация данного пакта была огромным достижением. постоянно разъяснявшей народу, что действительной гарантией К тому времени партия уже начала борьбу за общенародную защиту республики.⁹²

Франко-светский и чехословацко-советский пакты действительно имели возможность оказаться прочной основой общеевропейской концепции коллективной безопасности. Ответственный подход к исполнению соглашений странами-участницами, содействие коллективной безопасности остальными европейскими державами имели бы возможность воспрепятствовать развязыванию войны.

2.2. Японский фактор в международных отношениях 1931-1935гг.

После установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Японией в 1925 г. основной интерес в двухсторонних отношениях представляло экономическое сотрудничество. Формировались научные и культурные отношения, невзирая на разницу социальных систем и некоторое обоюдное недоверие, и опасливость. В общих чертах, по мнению полпреда СССР в Японии В.С. Довгалецкого, «за этот небольшой промежуток заложены прочные основы для дальнейшего углубления сотрудничества между народами - соседями и развития их культурных, политических и экономических связей».⁹³

К сожалению, положение дел стало изменяться после прихода к власти правительства генерала Г. Танака. Он был приверженцем активной внешнеполитической деятельности. Дружественная позиция невмешательства Советского Союза трактовался генералом равно как важный критерий эффективной экспансии Японии в Китае. Невзирая на то, что в период

⁹² Там же. С. 333-335

⁹³ Документы внешней политики СССР. Т. VIII. С. 797

столкновений на КВЖД, в 1929 г., между маньчжурским диктатором Чжан Сюэляном и Советским правительством, сторона Японии придерживалась позиции невмешательства, СССР не исключал наличия в конфликте, пускай не очевидного, «японского фактора». Позднее, в сентябре 1931 г., с началом «Маньчжурского инцидента» - оккупации Маньчжурии Квантунской армией, стали очевидными более значительные перемены в японо-советских взаимоотношениях. Вся Северная и Южная Маньчжурия оказалась в руках японских военных уже к 1932 г. Более того, на маньчжурско-советской границе начали формироваться сооружения, в целях защиты от нападения. Безусловно, Советское руководство было весьма недовольно трансформацией экспансии Японии в активную стадию, но оно решило воздержаться от официальных демаршей.⁹⁴

Руководитель японской военщины генерал Танака стал во главе партии крупного капитала, сейюкай, в 1925 г., и сформировал блок военщины с наиболее Реакционной частью японской буржуазии. А спустя два года после этого, военная клика Японии добилась того, что генерал Танака пришел к власти. Он же провозгласил «позитивный», что обозначает открытый агрессивный курс внешнеполитической деятельности Японии. В меморандуме, переданном бароном Танака японскому императору, нашёл своё отражение данный курс в меморандуме. Он представлял собой детально разработанный проект враждебной политики империализма Японии. В нём были развиты главные заключения Дальневосточной конференции, которая была сформирована японскими властями с участием военных и гражданских чиновников, связанных с Манчжурией и Монголией в июне и июле 1927 г.⁹⁵

Япония первая стала на путь ликвидации версальско-вашингтонской системы, при помощи вооружённой силы. Военно-феодалный империализм

⁹⁴ Наземцева Е.Н. Японские оккупационные власти и Российская эмиграция в Маньчжоу-Го в 30-е годы XX века. – М.: Новая и новейшая история, 2012. 3-5 с.

⁹⁵ Там же. С. 5

Японии в войне пытался найти выход из экономического кризиса и назревавших внутренних потрясений.

В Японии за годы кризиса сформировалась армия безработных почти в два с половиной миллиона человек. Резкое падение цен на сельскохозяйственные продукты вызывало разорение крестьянства.

Господствующие классы Японии всячески старались доказать, что только война откроет Японии выход из кризиса: страна приобретёт новые рынки для торговли и получит новые территории для переселения избыточного японского населения. В первую очередь необходимо немедленное завоевание Манчжурии. Без неё, уверяла буржуазная печать всех направлений, Япония потерпит поражение в будущей «большой войне» за необъятные рынки Китая.

Меморандум требовал решительной борьбы против Вашингтонского договора девяти держав; оставить его в силе означало бы для единомышленников Танака «самоубийство» Японии. В отношении Монголии меморандум намечал путь «мирного проникновения» при помощи японских отставных офицеров, которые возьмут в свои руки контроль над монгольскими князьями. Наконец, план Танака предусматривал и войну с СССР. «В программу нашего национального роста входит необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Манчжурии... — вещал меморандум. — Мы будем всемерно наводнять Северную Манчжурию нашими силами. Советская Россия должна будет вмешаться, и это будет для нас предлогом для открытого конфликта».⁹⁶

Дипломатия Японии делала расчет на то, что в тех обстоятельствах, которые сложились в результате мирового экономического кризиса, западные державы не имеют возможности вмешаться в процессы, происходящие на Дальнем Востоке. США и Великобритания направили силы на разрешение экономических трудностей внутри собственных стран. Банковские крахи,

⁹⁶ История дипломатии. / Под ред. Потемкин В.П. Указ. Соч. С. 472

отказ Великобритании от золотого стандарта, отсрочка Гувера, германо-австрийский договор о таможенном союзе — всё это привело к тому, что Европа находилась в крайне тревожном положении. В этот же период, в Европе, антимилиитаристские декларации и конференции формировали атмосферу, содействующую политике компромиссов и маловероятных сделок, которые основывались на уступках агрессору, вместо скорого и радикального отпора агрессору.

Руководящая власть Маньчжурии, не без помощи Соединенных Штатов, пытались избавиться от политического и экономического влияния Японии. Обширная общественность Китая настаивала от китайского правительства выкупа ЮМЖД, чтобы ликвидировать японское «государство в государстве».

Все вышеупомянутые условия давали возможность японской военщине начать «молниеносную» оккупацию Маньчжурской территории, а затем поставить США и Великобританию перед совершившимся фактом.

В свою очередь, и японская дипломатия ускорила работу по формированию собственной агентуры из манчжуров и белогвардейцев как Маньчжурии, так и в Бейпине, Нанкине, Шанхае, Кантоне и остальных не менее важных центрах китайского государства. Кампания против «красной опасности», т. е. против советских районов Китая, против СССР, будто бы угрожавшего подчинить Китай своему влиянию была дипломатическим прикрытием истинных целей Японии

Пропаганда Японии изображала дело так, что Япония должна занять Маньчжурию, в качестве плацдарма для обороны «порядка» и «цивилизации» в Китайском государстве, которое выступало бы против большевизма. Данная кампания была в полном разгаре в январе 1931 г. «Существование Китая поставлено на карту»; «спустя пять лет нация Китая исчезнет с лица земли»; «угроза СССР принимает такие масштабы, что если японское государство не достигнет договоренности с Мукденом, результаты могут быть ужасны для обеих наций...». Подобные пугающие лозунги бросала пресса Японии.

Войска Японии заняли Мукден и некоторые другие города Южной Манчжурии ночью с 18 на 19 сентября 1931 г. Оккупация Южной Манчжурии была осуществлена всего за 12 часов. Войска Японии стремительно продвигались в глубь государства.⁹⁷

Предлогом к вторжению стал инсценированный самими японцами диверсионный акт — подрыв рельсов на японской линии ЮМЖД.

Согласно выводу Стимсона, государственного секретаря Соединенных Штатов, оккупация Манчжурии осуществлялась по предварительно продуманному плану и согласно требованиям меморандума Танака. «Все данные, — заявлял Стимсон, — указывали на заранее обдуманые действия по плану, подготовленному высшими японскими властями в Маньчжурии, вероятно, по указаниям высшего военного командования в Токио».⁹⁸

Лига наций оказалась неспособной остановить агрессию Японии. Данный факт обосновывался не только лишь недостатками устава Лиги. Основное значение сыграла позиция дипломатии Великобритании.

Тем временем, не прекращая занимать Северную Манчжурию, войска Японии начали сосредотачиваться на самой границе Советского Союза.⁹⁹

«Правительство СССР держится политики строгого невмешательства не потому, что такая политика может быть угодна или негодна кому бы то ни было, — заявил народный комиссар иностранных дел Литвинов. — Союзное правительство держится политики невмешательства потому, что оно уважает международные договоры, заключённые Китаем, уважает суверенные права и независимость других государств и считает, что политика военной оккупации, проводимая хотя бы под видом так называемой помощи, несовместима с мирной политикой СССР и с интересами всеобщего мира».¹⁰⁰ Войска Японии

⁹⁷ Там же. С. 476

⁹⁸ Там же. С. 477

⁹⁹ Славинский Б.Н. СССР и Япония - на пути к войне: дипломатическая история 1937-1945. — М.: Япония сегодня, 1999. С. 540

¹⁰⁰ Документы внешней политики СССР. Т. XIV. — М.: Госполитиздат, 1968. С. 654-655

перерезали КВЖД в середине ноября 1931 г. О неминуемом столкновении Советского Союза и Японии трубила вся мировая печать.

Далее наркоминдел акцентировал внимание на то, что, вопреки заверениям правительства Японии, в Маньчжурии существенно расширились военные операции и вышли далеко за пределы первоначальной их зоны. Данный факт вызывал небезосновательную тревогу Советской России. Не забывая о стремлении поддерживать миролюбивые взаимоотношения с Японией, СССР придерживался политики строгого невмешательства по отношению к инцидентом между разными государствами и рассчитывал, что и правительство Японии станет устремляться к сохранению существующих отношений с советским правительством, а также во всех своих деяниях и установках будет принимать во внимание интересы Советского Союза.¹⁰¹

К сожалению, существующее положение дел противоречили ложно дружелюбным убеждениям правительства Японии. Оккупация Маньчжурии, сопровождаемой противосоветской мобилизацией белых эмигрантов в Маньчжурии, переброской на Советский Дальний Восток кулацких и шпионско-бандитских элементов корейской национальности.

Как только японцы заняли Харбин, они сформировали там специальные курсы, занимавшиеся подготовкой шпионов специально для посылки в Советскую Россию. Курсы выпускали «радистов», «шофёров» и т. п. Курсанты добивались советского подданства и права въезда в Советский Союз, стараясь устроиться там на промышленных и военных предприятиях, на электростанциях и транспорте с целью вредительства и диверсий.

Антисоветские акции японского правительства имели целью обрести союзников среди реакционных кругов Америки и Европы и под предлогом борьбы с большевизмом в Китае беспрепятственно осуществить там свои враждебные планы.

¹⁰¹ Там же. С. 655

По мнению этих деятелей японское правительство на Дальнем Востоке было в качестве победителя в рамках борьбы против «китайского национализма» и «русского коммунизма». Непосредственно это и обеспечивало агрессии Японии на Дальнем Востоке содействие со стороны реакционеров Великобритании.¹⁰²

Убедившись в безнаказанности своей агрессии в Маньчжурии, империализм Японии наиболее решительно перешёл к дальнейшему наступлению в Китайском государстве.

Завоевав практически всю Маньчжурию, Япония попыталась создать видимость, будто данный захват был легальным. Оккупанты Японии, 18 февраля 1932 г., делая упор на подкупленную верхушку маньчжурских властей, объявили «независимость» Маньчжурии от Китая. На оккупированной Японией территории было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го, 9 марта того же года. А уже 15 сентября 1932 г. Маньчжоу-Го было «признано» Японией, которая заключила с ним военный союз, предусматривавший возможность японского государства иметь в пределах Маньчжоу-Го свои войска «для поддержания государственной защиты».¹⁰³

Комиссия Литтона рекомендовала Лиге наций отказаться от признания Маньчжоу-Го и сформировать конференцию для обсуждения проблемы интернационализации Маньчжурии. Она предлагала превратить Маньчжурию в «автономную» область со специальным режимом управления, который основывался бы на комбинации административной и территориальной целостности Китая с предоставлением Маньчжурии широкой автономии и с признанием наличия в Маньчжурии специальных интересов и прав Японского государства.

Правительство Советского Союза было приглашено Лигой наций примкнуть к резолюции. На это предложение Лиге был дан ответ,

¹⁰² Панов А.Н. Японская дипломатическая служба. – М.: Международные отношения, 1988. С. 21

¹⁰³ ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917-1941. – М.: РОССПЕН, 2001. С. 17

сообщавший, что «правительство Советского Союза с самого начала китайско-японского конфликта, стремясь по мере сил воспрепятствовать последующему расширению военного конфликта и возможному превращению его в источник нового мирового пожара, стало на путь строгого нейтралитета. В соответствии с этим правительство СССР, верное своей мирной политике, всегда будет солидарно с действиями и предложениями международных организаций и отдельных правительств, направленными к скорейшему и справедливому разрешению конфликта и обеспечению мира на Дальнем Востоке». Обращая внимание на данный фактор, Советская Россия объявляла, что она не считает допустимым присоединиться к распоряжениям Лиги наций.¹⁰⁴

23 января 1933 г., в докладе на третьей сессии ЦИК СССР, Молотов, давая оценку значимости пактов о ненападении, предложенных правительством СССР некоторым державам, в том числе и Японии, отметил, что подписание подобного рода пактов было огромным успехом дипломатии Советского Союза: «Мы считаем, что, с точки зрения интересов всеобщего мира, необходимо внести в актив власти СССР такие факты, как подписание и ратификация пактов о ненападении со стороны Финляндии, Польши, Эстонии и Латвии. Мы считаем, что эти пакты имеют своё значение для дела укрепления мира».¹⁰⁵

Все те противосоветские круги, всё ещё не оставляющие идеи об формировании интервенции империалистических стран против Советского Союза, предприняли попытку применить против него Дальневосточные осложнения. Русские белогвардейцы во Франции открыто и систематически вели кампанию за объявление войны против Советского Союза. Не прекращались и провокации с целью спровоцировать военный конфликт между европейскими странами и Советской Россией.

Давая ответ на замечания японского министра иностранных дел Уцида, что во время маньчжурских событий СССР занимал «осторожную позицию»,

¹⁰⁴ Кутаков Л.Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. – М.: Международные отношения, 1964. С. 35

¹⁰⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XV. С. 53

Молотов отметил такую позицию внешнеполитической деятельности Советской России. «Считаю важным обратить внимание, — сообщил Молотов, — что дело не только в том, что политика СССР осторожная. Эта политика не только осторожная, но и продуманная, причём советское правительство исходит и здесь, прежде всего, из интересов дела всеобщего мира и из интересов укрепления мирных отношений с другими державами. Такую политику мира, и впредь советское правительство будет неуклонно и последовательно проводить в своих взаимоотношениях с иными странами, как бы её ни расценивали те или иные правительства».¹⁰⁶

Правительство Японии категорично отвергло доклад и предложения комиссии Литтона. «Японское государство будет продолжать свою твёрдо установленную политическую деятельность в Маньчжурии, вне зависимости от заключений комиссии Литтона», — объявил посол и главнокомандующий в Маньчжурии, генерал Муто.

27 марта 1933 г. правительство Японии, в ответ на принятие Лигой наций доклада Литтона, объявило о выходе Японии из Лиги наций. Такое решение оно обосновало полным расхождением взглядов Лиги наций и Японии «в области политики мира, в особенности в области ключевых принципов, которым необходимо следовать для того, чтобы установить надежный мир на Дальнем Востоке».¹⁰⁷

Выход из Лиги наций был фактическим разрывом японского государства со всей совокупностью соглашений, которые составляли версальско-вашингтонскую систему. Деятельность японского правительства на Дальнем Востоке формировалась в том же плане, которого придерживалась в Европе внешняя политика Италии и Германии. Таким образом закладывались основные принципы агрессивной коалиции военно-фашистских диктатур.

Согласно принятому 10 апреля 1931 г. решению Политбюро об основных принципах выкупа КВЖД, советское правительство было готово

¹⁰⁶ Наземцева Е.Н. Указ. Соч. С. 8

¹⁰⁷ История дипломатии. / Под ред. Потемкин В.П. Указ. Соч. С. 492

продать эту дорогу Китаю «на его национальные средства при посредстве китайского капитала». Однако ситуация кардинальным образом изменилась 18 – 19 сентября, после вторжения в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию) японских войск, в ноябре начавших продвижение на север, на Цицикар, в направлении советских границ. Как отмечала в те дни германская пресса, «угроза Японии оккупировать железнодорожную линию Таонань – Цицикар по той причине, что последняя построена на японские деньги, производит странное впечатление, так как по этой причине Советский Союз мог бы оккупировать КВЖД, большая часть которой финансировалась Россией». И всё же в ноябре 1931 г. японские войска пересекли КВЖД. Хотя советское руководство было озабочено таким поворотом событий, однако, следуя указаниям Сталина вести себя с Японией «поосторожнее», оно решило 11 ноября не вступать в военные столкновения между китайскими и японскими войсками в районе Цицикара, поскольку они, «видимо, перестают быть случайным эпизодом и могут принять серьёзный и длительный характер»; НКВД была дана «директива о проведении строжайшего нейтралитета на КВЖД».¹⁰⁸

В начале 1932 г. японские военные власти потребовали от правления КВЖД перевозки своих войск по этой магистрали, уверяя, что Портсмутский договор 1905 г. будет соблюдаться и интересам СССР ничего не угрожает. На деле же после захвата Маньчжурии и создания там марионеточного государства Маньчжоу-Го Япония стала вытеснять СССР из Северо-Восточного Китая. Японские и маньчжурские власти развернули нападения на советские учреждения, чинили провокации на КВЖД, захватывали железнодорожные станции и принадлежавшие дороге имущество, производили массовые аресты советских граждан – служащих КВЖД, при этом часто прибегая к услугам белогвардейских организаций. Всё это приносило огромные убытки и мешало нормальному функционированию

¹⁰⁸ ВКП(б), Коминтерн и Япония, Указ. Соч. С. 14-15

дороги. В апреле 1933 г. советской стороне стало известно о плане японской военщины полностью вытеснить СССР с КВЖД и передать её Японии под видом установления контроля над магистралью со стороны Маньчжоу-Го.

В мае того же года наркоминдел М. М. Литвинов направил через посла Ота предложение японскому правительству продать КВЖД маньчжурским властям в соответствии с Пекинским и Мукденским соглашениями 1923 г., дававшим Китаю право на досрочный выкуп. Правительство Маньчжоу-Го дало на это согласие, а Япония выступила посредником в переговорах, открывшихся 26 июня в Токио (позднее с японо-маньчжурской стороны их вел мининдел Японии Хирота). Советское руководство надеялось как можно скорее устранить источник возможного военного конфликта с Японией.¹⁰⁹

В период сильно затянувшихся переговоров, которые длились два года с несколькими перерывами, светская сторона неоднократно выражала протесты по поводу поведения японо-маньчжурских властей, продолжавших «бесчинства, аресты и насилие по отношению к советским гражданам – служащим КВЖД» с расчетом добиться от восточного соседа максимума уступок.¹¹⁰

Здесь уместно отметить следующее. Япония неоднократно ставила перед СССР вопрос о признании созданного японцами марионеточного государства Маньчжоу-Го. Советское руководство отказывалось делать это, СССР так и не признал этот продукт японской военщины. «Мы не должны признать де-юре маньчжурское государство, - писал Сталин Кагановичу в июне 1932 г. – Настаивая на признании с нашей стороны, японцы рассчитывают поссорить нас с Китаем, если откажемся признать – рассоримся с маньчжурским правительством... Чтобы успокоить японцев и маньчжуров, надо заявить им одновременно, что мы в принципе не отвергали никогда и не

¹⁰⁹ Там же. С. 15

¹¹⁰ Там же.

отвергаем признание де-юре, но что практически такие вопросы не решаются одним ударом и нуждаются в изучении».¹¹¹

С избавлением Советского Союза от такого серьезного источника конфликта с Японией, как КВДЖ, напряженность между двумя государствами, однако, не сошла на нет. Оставался «вечный» источник – водные и сухопутные границы.

Следующая группа вопросов касательно Японии, рассматривающихся на заседаниях Политбюро, относится к советским предложениям о заключении пакта о ненападении и реакции на их японской стороны. СССР придавал этой проблеме огромное значение, ему удалось в 20 – 30-е годы подписать подобные договоры со многими государствами. Советские представители пытались доказать японцам преимущества такого договора, однако японская сторона под разными предлогами не желала идти на это.¹¹²

В июне 1927 г., выполняя поручение Политбюро, советский полпред В. С. Довгалецкий в беседе с премьер-министром Танака подчеркнул желание СССР заключить пакт о ненападении. Танака отметил «несовместимость» заключения политического договора, которому должно предшествовать подписание торгового договора.¹¹³

Захват Японией в сентябре 1931 г. северо-Восточных провинций Китая и введение туда крупных контингентов своих вооруженных сил, выход японских войск к рубежам СССР увеличили угрозу советским дальневосточным границам. 31 декабря 1931 г. в беседе с министром иностранных дел Иосидзава советский наркоминдел Литвинов обратил внимание на то, что отсутствие пакта о ненападении с Японией, при наличии таких пактов с Германией, Турцией, Персией, Афганистаном и Литвой, является серьезным пробелом и служит предметом спекуляций в Западной Европе и США.¹¹⁴ Иосидзава не дал определенного ответа. 28 июля 1932 г.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же. С. 16

¹¹³ Документы внешней политики СССР. Т. X. С. 321-322

¹¹⁴ Документы внешней политики СССР. Т. XIV. С. 748

министр иностранных дел Утида заявил Трояновскому, что «японцев ещё надо готовить, чтобы они привыкли к мысли о пакте о ненападении». Некоторые представители правящих кругов Японии стремились добиться уступок со стороны Советского Союза в решении торгово-экономических вопросов за согласие пойти на подписание пакта.¹¹⁵

13 декабря 1932 г. МИД Японии официально отклонил советское предложение о заключении пакта о ненападении, указав, что «время ещё не созрело для формального начала переговоров между двумя правительствами относительно этого предмета», что «предпочтительнее для настоящего времени постараться достигнуть разрешения различных вопросов, имеющихся между двумя нациями».¹¹⁶ В ответной ноте правительства СССР от 4 января 1933 г. подчеркивалось, что двустороннее соглашение не только не противоречит международным актам (например, пакту Бриана – Келлога), но и усиливает их и приспособливает их к особенностям японо-советских отношений; что предложение СССР вызвано не соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики, и потому остается в силе и в дальнейшем.¹¹⁷

Сталин и его ближайшее окружение в то время не были готовы к конфликту с Японией. Более того, они опасались такого поворота событий. Об этом свидетельствует письмо Сталина Кагановичу (июнь – июль 1932 г.): «Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопустимости подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии. Арест каких-то корейцев-подрывников и касательно к этому делу наших органов создает новую опасность провокации конфликта с Японией. Кому всё это нужно, если не врагам советской власти?».¹¹⁸

Участившиеся приграничные конфликты, активная политика в отношении русской эмигрантской диаспоры с целью ее использования в

¹¹⁵ Там же. С. 747

¹¹⁶ ВКП(б), Коминтерн и Япония, указ. Соч. С. 17

¹¹⁷ Панов А.Н. указ. Соч. С. 184

¹¹⁸ ВКП(б), Коминтерн и Япония, Указ. Соч. С. 18

антисоветских акциях вынудили советское руководство в своих дипломатических отношениях с японской стороной пойти на более решительный шаг. 2 сентября 1935 г. замнаркома Б. С. Стомоняков в беседе с японским послом Ота дал понять, что создание БРЭМ Москва воспринимает как поощрение Японией деятельности белоэмигрантских организаций.¹¹⁹ Однако это не изменило ситуацию.

В трудных условиях в тот период пришлось работать в Японии советскому посольству и полпреду СССР в Японии Алексею Антоновичу Трояновскому (с 16 ноября 1927 г. – по 1933 год). Правительство СССР установил перед своими дипломатами конкретную цель: сформировать наиболее здоровую атмосферу в отношениях с японским государством, а также бороться против поползновений военщины развязать войну против Советского Союза. А реакционные периодические издания Японии гласили о «дьявольской руке Красной России», вторгавшуюся во внутренние дела государства. Газеты призывали наблюдать за активностью русского посольства «дворца скрытого дьявола большевизации Японии».

Кроме того, вокруг личности Трояновского нарастала неблагожелательность. Газета «Заря» с провокационной целью писала: «Мы обязаны поздравить японское правительство, получившее в подарок от своей соседки редкого в СССР специалиста по разрушению Азии — Трояновского». Не только газеты, но и некоторые внешнеполитические деятели не прекращали побуждать «коммунизм», «красную опасность», именовать Трояновского «опасной личностью». Дипломаты СССР пользовались всякой возможностью, чтобы довести до сведения и осознания широких слоев народа Японии главные принципы советской внешнеполитической деятельности.¹²⁰

В марте 1928 г., на предложение полпреда СССР подписать пакт о ненападении, Танака ответил: «Для этого еще не настало время.

¹¹⁹ Документы внешней политики СССР. Т. XVII. С. 482-487

¹²⁰ Панов А.Н. Указ. Соч. С. 84

События должны развиваться постепенно. Не надо торопиться. Если сразу слишком высоко забраться, можно и упасть». Народный комиссар иностранных дел СССР, Г. В. Чичерин, заявил, что Япония – страна с самой тонкой дипломатией в мире. И долгие годы направленность этой дипломатии был курс на постепенную реализацию широкой экспансии в бассейне Тихого океана. Военщина Японии с 1928 г. начала разработку проектов военного нападения на Советский Союз. Эти планы существенным образом отличались от обычных оперативных планов, составление которых являлось функцией генерального штаба. Планы войны против СССР «кодовое название — Оцу» никогда не носили условного, теоретического характера, они всегда отличались конкретностью и тщательностью разработки.¹²¹ Мировой экономической кризис привел к серьезному обострению международной обстановки. В Японии сокращалось производство, росла безработица, ухудшалось положение трудящихся. Выход из кризиса японские правящие круги искали на путях экспансии. 18 сентября 1931 г. японские войска напали на Китай и предприняли оккупацию его северо-восточных провинций. Материалы Токийского процесса неопровержимо доказали: «как оккупация Манчжурии, так и вторжение в Китай исходили из конечной стратегической цели Японии — войны против СССР».¹²²

Военный министр Араки утверждал, что рано или поздно война между Японией и СССР неизбежна, что страну надо готовить к этой войне.

Араки, убежденный фашист, был одним из активнейших участников оккупации советского Дальнего Востока. Деятельность советского посла он называл «интригами» и говорил своим приближенным, что не верит в откровенность русских, когда они надевают френч и цилиндр. Трояновскому удалось в октябре 1932 г. встретиться с Араки. Своим

¹²¹ Документы внешней политики СССР. Т. XI. – М.: Госполитиздат, 1966. С. 148

¹²² Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией в 1945 году. Политический аспект. – М.: Новая и новейшая история, 2011. С. 3

визитом Трояновский вызвал замешательство в кругах японской военщины, вынуждая ее менять наступательную тактику, лавировать.¹²³ Укреплялось влияние реалистически мыслящих японских политиков, считавших войну против СССР ловушкой для Японии, в которую ее хотели втянуть заинтересованные западные державы. Резко осуждая японскую агрессию против Китая, советское правительство в то же время стремилось не дать возможности милитаристским реакционным силам в Токио обострить отношения между СССР и Японией. Оно предприняло серию гибких дипломатических шагов, направленных на предотвращение новой антисоветской интервенции. Стараясь предотвратить, остановить дальнейшее развитие японской агрессии, советская дипломатия пыталась убедить правительство Чан Кайши в необходимости объединения усилий обоих государств.

¹²³ Документы внешней политики СССР. Т. XV. С. 557-558

Заключение

К осени 1933 г. во взаимоотношениях между СССР и Японией накопилось немало осложняющих моментов: вторжение японских войск в северо-восточную часть Китая и создание государства Маньчжоу-Го; неудачные попытки советских дипломатов убедить японское правительство заключить двусторонний пакт о ненападении; растиражированные советской прессой призывы ряда японских генералов к проведению более жесткой политики по отношению к Советскому Союзу; продолжавшаяся напряжённость на КВЖД, в частности аресты маньчжурскими властями советских граждан – служащих этой дороги; восстановление СССР дипломатических отношений с Китаем; заключение советско-итальянского пакта о ненападении; успешные переговоры об установлении дипломатических отношений между СССР и США и ряда других.¹²⁴

И всё же, несмотря ни на что, высшее политическое руководство СССР стремилось не допустить ухудшения отношений с Японией и в последующие годы.

Советское руководство, начиная с 1927 г., всё чаще получало по разным каналам сообщения о разработке в Японии планов военного нападения на СССР. В одних случаях это была английская, американская и китайская дезинформация, в других – их тех же и иных адресов – правда. Порой нелегко было отличить одно от другого.

Таким образом, основное влияние на изменение обстановки в Дальневосточном регионе в 1930-е годы оказывали Япония, СССР, США и Китай. Определяющими в конечном итоге стали советско-японские отношения. Правительства других ведущих мировых держав сосредотачивали усилия на решении внутриэкономических проблем и обеспечении своих интересов в приближающейся мировой войне.

¹²⁴ Панов А.Н. Указ соч. С. 184

Решительная позиция Советского Союза в отношении планов немецко-фашистской и японской агрессии ободряла свободолюбивые народы, в то время как пособничество захватчикам со стороны правящих кругов США, Англии и Франции внушало величайшие опасения за судьбы человечества. Повседневные факты убеждали правительства и народы многих стран, что только социалистическое государство стремится к сохранению мира и независимости народов, пресечению немецко-фашистских и японских домогательств в отношении других государств.

Таким образом, в рассматриваемый период правящие круги Японии стояли на платформе воинствующего антисоветизма и безудержной агрессии, что не могло не привести к обострению отношений между нашими странами.

Список использованных источников и литературы

1. ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917-1941. – М.: РОССПЕН, 2001. 791 с.
2. Документы внешней политики СССР. Т. V. – М.: Госполитиздат, 1961. 807 с.
3. Документы внешней политики СССР. Т. VIII. – М.: Госполитиздат, 1963. 862 с.
4. Документы внешней политики СССР. Т. X. – М.: Госполитиздат, 1965. 687 с.
5. Документы внешней политики СССР. Т. XII. – М.: Госполитиздат, 1967. 816 с.
6. Документы внешней политики СССР. Т. XIV. – М.: Госполитиздат, 1968. 872 с.
7. Документы внешней политики СССР. Т. XV. – М.: Госполитиздат, 1969. 867 с.
8. Документы внешней политики СССР. Т. XVI. – М.: Госполитиздат, 1970. 920 с.
9. Документы внешней политики СССР. Т. XVII. – М.: Госполитиздат, 1971. 879 с.
10. Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. – М.: Госполитиздат, 1963. 719 с.
11. Локарнская конференция 1925 г. Документы. – М.: Госполитиздат, 1959. 511 с.
12. Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Японии / Под ред. С.П. Лушникова. – М.: Наука, 1981. 207 с.
13. Ахтамзян А.А. Рапалльская политика: Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах. - М.: Международные отношения, 1974. 304 с.
14. Богатуров А.Д. Системная история международных отношений. Т. I – IV. – М.: НОФМО, 2004. 2087 с.
15. Вербицкий С.И. Японо-американский военно-политический союз. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. 285 с.

16. Егоров А.И. Объединенная Германия на международной арене: опыт многосторонних и двухсторонних взаимодействий, 1991 – 2000. – М.: Перо, 2014. 404 с.
17. История дипломатии. Т. III. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны 1919-1939 / Под ред. Потемкин В.П. – М.: Гослитиздат, 1945. 884 с.
18. История дипломатии. Т. III. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы / Под ред. Громько А.А., Земсков И.Н. – М.: Госполитиздат, 1965. 834 с.
19. Карой Л. Великобритания и Локарно. – М.: Институт международных отношений, 1961. 144 с.
20. Кен О.Н. Великобритания и происхождение пакта четырех 1933 г. – М.: Новая и новейшая история, 2003.
21. Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией в 1945 году. Политический аспект. – М.: Новая и новейшая история, 2011.
22. Кутаков Л.Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. – М.: Международные отношения, 1964. 535 с.
23. Морозов С.В. Варшавская мелодия для Москвы и Праги: документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска польского и др. 1933-1939. – М.: Международные отношения, 2017. 592 с.
24. Морозов С.В. К вопросу о польско-японском военном соглашении 1931 // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11. С. 104-107.
25. Морозов С.В. Польша и восточный пакт // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 80-84.
26. Морозов С.В. К вопросу о секретном польско-германском договоре 1934 // Славяноведение. 2005. № 5. С. 35-53.
27. Лебедев Н.И. СССР в мировой политике, 1917-1982. – М.: Международные отношения, 1982. 364 с.

28. Наземцева Е.Н. Японские оккупационные власти и Российская эмиграция в Маньчжоу-го в 30-е годы XX века. – М.: Новая и новейшая история, 2012.
29. Никонова С.В. Германия и Англия от Локарно до Лозанны. – М.: Наука, 1966. 342 с.
30. Панов А.Н. Японская дипломатическая служба. – М.: Международные отношения, 1988. 184 с.
31. Потемкин В.П. История дипломатии. Т. III. – М.: Гослитиздат, 1945. 204 с.
32. Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России / Гурович А., Калашникова Е., Рубина В. / Под ред. Гальпарина Р. – М.: ГИИЛ, 1946. 433 с.
33. Славинский Б.Н. СССР и Япония - на пути к войне: дипломатическая история 1937-1945. – М.: Япония сегодня, 1999. 540 с.
34. Случ С.З. Германно-советские отношения в 1918–1941 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Славяноведение. 1966. №3. С. 101-113.
35. Турок В.М. Локарно. - М.; Л.: Академии наук СССР, 1949. 103 с.
36. Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. - М.: Соцэкгиз, 1961. 516с.
37. Морозов С.В. К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на Восток // Электронный журнал «Вестник томского государственного университета» - http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1500
38. Морозов С.В. Игры теней в европейской международной политике в 1930-е гг. // Электронный журнал «Великая Победа» - <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghiedii>
39. Рябоконт С.И. Позиция малой антанты в период переговоров о «пакте четырех» // Электронный журнал «Уральский Федеральный

университет»

-

http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/40071/1/balkan_1973_2_08